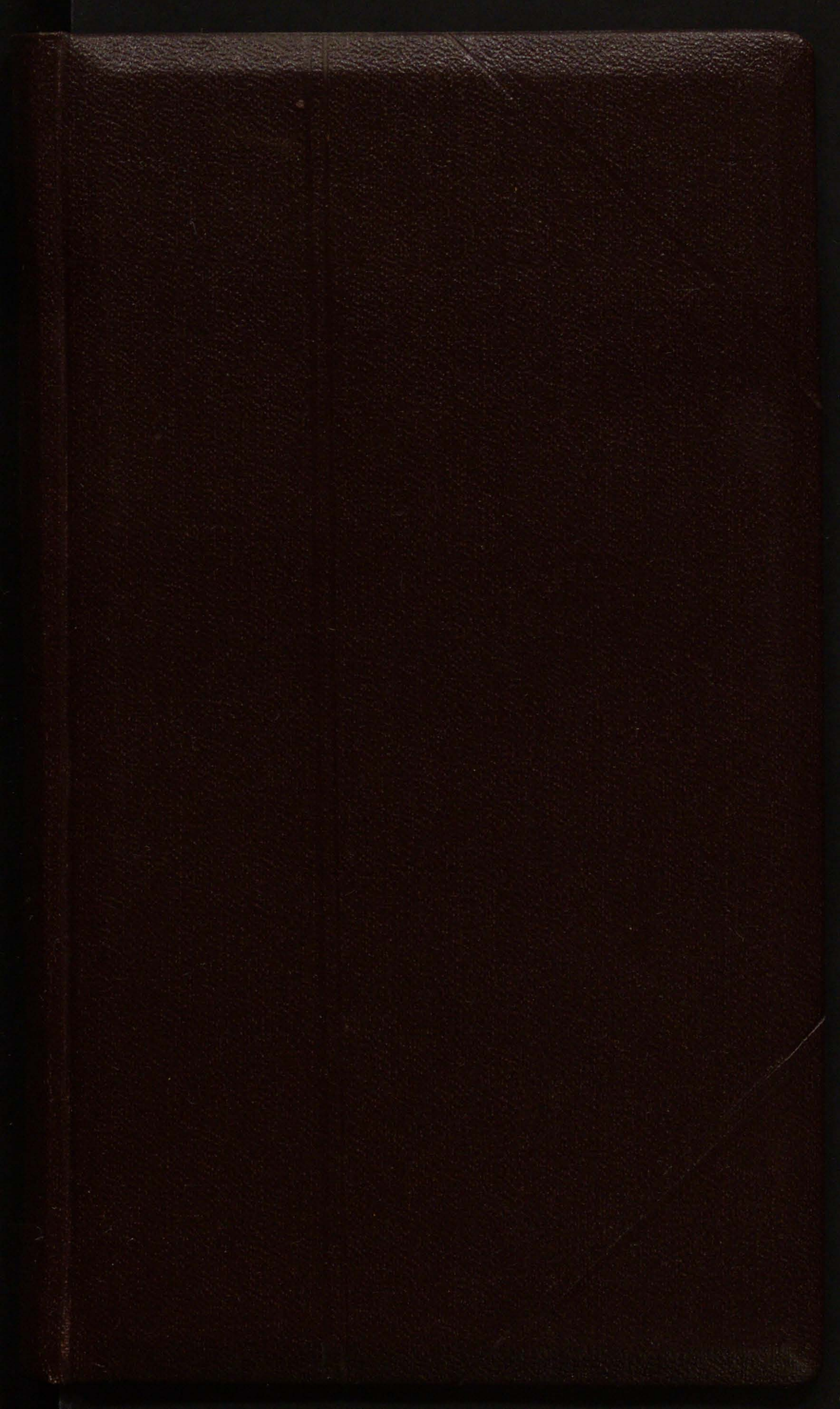


E 102/141

141

О-8°
Ак
92. А

ф 10-79
462

1-й эк.

Александръ Николаевичъ
Бустроевъ

МЕРИНВАЛЬ,

ТРАГЕДІЯ

въ пяти дѣйствіяхъ;

изъ

Сочиненій

Господина д' Арноа.

Перевелъ съ Французскаго

Василей Кряжевъ.



МОСКВА,

въ Университетской Типографіи,

у В. Окорокова.

1792

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МЕРИНВАЛЬ, отецъ.
МЕРИНВАЛЬ, сынъ.
ЕВГЕНІЯ, жена Меринваля сына.
СУДЬЯ.
ШЕСТЬ СОВѢТНИКОВЪ.
СЕКРЕТАРЬ.
КАРАУЛЬНОЙ.
ГЕНРИХЪ, лакей.
ТЮРЕМЩИКЪ.
РОЗА, горнишная Евгеніи.
СЛУГИ.

Дѣйствіе сначала въ сосѣдствѣ города, а по томъ въ самомъ городѣ.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Меринваль, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, *и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ, Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ и Кавалеръ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.



ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ залу въ замкѣ, не далеко отъ города лежащемъ; въ немъ стоитъ столъ, на которомъ книги. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ I.

Меринвалъ Отецъ одинъ; въ шлафрокѣ съ растрепанными волосами, отворяя двери залы съ поспѣшностію, подходитъ на сценѣ внѣ себѣ отъ страха, какъ будто преслѣдуемъ кѣмъ нибудь.

Оставь меня, оставь! . . . бѣги, ужасная мечта! немилосердое ея мщеніе повсюду меня преслѣдуетъ! . . . она показываетъ свои раны! — я вижу кровь . . . и супруга моя. . . . о Небо! она

 еще

еще держитъ въ рукахъ смертоносной напитокъ! . . . Изчезни, изчезни. . . . скоро, скоро послѣдую и я за тобою; но не огорчай минутъ, мнѣ жить еще остающихся. (*Подходитъ еще ближе, повергается въ кресла и облокачивается на столѣ; по томъ послѣ нѣкотораго молчанія, какъ будто пробудившись отъ сна.*) Сонъ причиною толь чрезмѣрнаго страха! Всѣ члены мои покрыты холоднымъ потомъ. Я толь часто съ мужествомъ встрѣчавшій смерть на сраженіяхъ въ крови и въ огнѣ, я боюсь сна и страху подвергаюсь! Ужасъ меня одолѣваетъ!.. (*кличетъ громко*) Генрихъ! (*еще громче*) Генрихъ!

Генрихъ (за кулисами)

Чего, сударь, изволите?

Меринвалъ.

Подай свѣчу. (*въ сторону*) О ночь! твоя тьма въ душѣ моей

ей

ей мрачнѣйшій ужасъ распростираетъ! . . . (*трогательнымъ голосомъ.*) Одна только добродѣтель не страшится темноты, о Боже!

ЯВЛЕНІЕ II.

Меринваль отецъ, *Генрихъ* приноситъ съ поспѣшностію свѣчу.

Генрихъ.

Что вамъ сдѣлалось? Вы дрожите, блѣдны, беспокойны. . . . (*ставитъ свѣчу на столъ*)

Меринваль.

Ничего, другъ мой. . . . (*въ сторону*) я постараюсь притвориться.

Генрихъ.

Однако вы. . .

Меринваль (въ сторону).

Я нещастнѣйшій изъ смертныхъ. Увы! когда окончатся мои злополучія? . . . (*въ слухъ*) Генрихъ! который часъ?

Генрихъ.

Ужъ било четыре часа.

Меринвалъ.

Ты спалъ?

Генрихъ.

Спалъ, сударь.

Меринвалъ (въ сторону)

Невинность наслаждается покоемъ! (*въ слухъ*) Генрихъ . . . (*встаетъ и беретъ его за руку, печальнымъ голосомъ*) Я не могу спать.

Генрихъ.

А что причиною задумчивости, въ которой я вижу васъ погруженнымъ? Вы къ небу обращаете смутный взоръ. Тайная печаль васъ снѣдаетъ и противъ воли вашей видна на лицѣ вашемъ. Щастїе быть любиму, для васъ лестнаго ничего не имѣетъ. Вы удаляетесь

отъ друзей, которыхъ сами созвали сюда. Вы ищете уединенїя, и вдругъ оное оставляете. Вы не находите удовольствїя въ охотѣ и сельской жизни, и даже и чтенїе, которое прежде ваше прїятнѣйшее упражненїе было, теперь вамъ скучно стало. Здѣшнїя мѣста въ очахъ вашихъ никакихъ прелестей не имѣютъ! — Двацатилѣтняя служба моя, непремѣнное усердїе, всегдашняя и безпорочная вѣрность, попеченїе о сынѣ вашемъ, порученномъ мнѣ въ его младенчествѣ, все сїе даетъ мнѣ право на довѣренность вашу. Скажите мнѣ, сударь, скажите! что причиной сей мрачной унылости.. которая пагубна для васъ быть можетъ? Не льзяль отвратить сїе странное зло? Мы въ опасности о жизни вашей. Еще вчерашняго дня, жена моя...

Меринваль (съ чувствительностію)

Твоя жена! . . . Какими ударами поражаешъ ты мое сердце? Генрихъ, была у меня супруга . . . я тщетно плачу о ней —

Генрихъ.

Нечаянная смерть окончила ея судьбу. — Мы всѣ сожалѣемъ объ ней. Она имѣла такія прелести, такія добродѣтели! . . . ахъ! какъ намъ не плакать? Всѣ здѣсь были щасшливы ея благодѣяніями. Ея нѣжность . . .

Меринваль (во гнѣвѣ идучи къ Генриху)

Жестокой . . . (*перемѣняетъ голосъ*) Оставь меня, другъ мой! Я здѣсь дождусь пока разсвѣтетъ. Иногда свѣтъ облегчаетъ отягчающія насъ печали.

Генрихъ.

Нѣтъ, я не исполню вашихъ повелѣній; я пойду къ вашему сыну и его разбужу . . .

Ме-

Мериналь.

Генрихъ умѣрь твое усердїе! Изливъ мученїя въ сердце любезное, не облегчишь, но еще умножишъ оныя. Я одинъ долженъ сносить отягчающее меня бремя. Мой сынъ прїѣхавъ сюда недавно съ молодою своею супругою, вкушаетъ спокойную участь; не лишимъ ихъ прїятностей покоя, пусть я одинъ въ нещастїи страдать буду . . . Генрихъ! . . . сей любезный сынъ . . . онъ походитъ на свою мать! онъ имѣетъ ея черты, ея голосъ . . . Поди, поди, я думаю, что эти книги на время меня займутъ; потщусь почерпнуть изъ нихъ облегченїе; онѣ по крайней мѣрѣ разгонятъ на время мое беспокойство. Увы! не одинъ уже разъ омочилъ я ихъ моими слезами. (*Генрихъ уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Меринваль одинъ; беретъ книгу, и усиливаясь нѣкоторое время читать, опять кладетъ на столъ.

Нѣтъ, ничто не можетъ успокоить смущенныя мои чувства; безпрестанно мечты толпятся вкругъ меня. Блѣдная и окровавленная тѣнь нещастнаго Эварда всечасно представляется устрашеннымъ моимъ очамъ. Я вижу. . . . вижу супругу мою, при послѣднихъ мгновеніяхъ, желающую умереть въ моихъ объятіяхъ. . . Что я сдѣлалъ? . . . . Пылая достойнымъ гнѣвомъ, отмстилъ за честь свою. . . отмстилъ? . . Но мщеніе есть вина; я чувствую то по моему безпокойству и по моимъ тайнымъ терзаніямъ! О коль велики должны быть мученія, послѣдующія злодѣяніямъ? . . О Боже! твой праведный гнѣвъ теперь меня гонитъ!

нитъ! . . Боже! для наказанія виновнаго довольно и совѣстнаго угрызенія! . . . (*видитъ своего сына, и вставая съ поспѣшностію*) Сынъ мой! . . .

ЯВЛЕНІЕ IV.

Меринваль отецъ и *Меринваль* сынъ; въ шлафрокѣ и показывая безпорядокъ и смущеніе.

Меринваль сынъ.

Батюшка! что я слышалъ?

Меринваль отецъ.

Какъ? Генрихъ —

Меринваль сынъ.

Не могъ ничего сокрыть отъ нѣжнаго моего сердца. Я узналъ... Вы тайно мучитесь? Ахъ! не щадите моей беспокойной нѣжности. Батюшка, естьли мнѣ не можно облегчить вашей печали, то я по малой мѣрѣ могу ее съ вами раздѣ-

дѣлить. Послѣ десятилѣтней разлуки спѣшилъ я въ объятія ваши . . .

Меринваль отецъ.

Я извиняю неосторожность усерднаго слуги. Я не имѣю никакихъ печалей, сынъ мой. . . . Есть удары. . . О! естьлибъ ты ихъ никогда не чувствовалъ. . . Меринваль, страшись слѣдовать изступленію бѣшеной ревнивости... Вазвратись къ своей женѣ, возвратись и вкушай блаженство, котораго по нещастію я лишился. Сынъ мой! одна только добродѣтель даетъ пріятной покой . . . Поди отсюда.

Меринваль сынъ.

О небо! чтобъ я могъ васъ оставить! Жестокое молчаніе умножаетъ мученія ваши! Стѣсненныя вздохи стремятся излетѣть! Въ глазахъ вашихъ навертываются

слезы

слезы! . . . Ахъ! пролейте ихъ на груди моей, на груди сына . . . Повѣрьте, что нѣтъ сердца нѣжнѣе моего; любовь моя . . . Вы видите меня объемлюща колѣна ваши, (*становится на колѣни*) Прошу васъ именемъ сей любви, скажите . . . откройте мнѣ.

Меринваль отецъ (въ слезахъ обнимая сына)

Встань, любезный сынъ . . . Такъ слушай: я видѣлъ матерь твою . . . Чего же ты хочешъ?

Меринваль сынъ.

Я хочу васъ утѣшить, батюшка, естьли можно, или . . . вмѣстѣ съ вами слезы лить . . . Но вы не хотите меня слушать! Ваше беспокойство умножается . . . Куда вы идете? (*Меринваль отецъ хочетъ итти, но сынъ становится передъ нимъ*) Мои вопли и слезы васъ тронутъ; и вы удостоите открыть мнѣ сердце отягченное пе-

печалью . . . . я несомнѣваюсь въ томъ.

Меринвалъ отецъ.

Ты не можешъ облегчить той скорби . . . отъ которой я скоро умру.

Меринвалъ сынъ.

Не ужели вы не довольны союзомъ, котораго моя нѣжность искала и ваше собственное желаніе безпрестанно требовало? — Правда, что въ то самое мгновеніе, когда бракъ сопрягалъ пріятныя наши узы, Евгенія пагубнымъ случаемъ лишилась невозвратно имущества своего: но всѣ пріятства и добродѣтель при ней остались; а сіе сокровище и было предметомъ всѣхъ моихъ желаній . . . Сердце ваше не сходно ли съ моимъ?

Ме-

Меринваль отецъ.

Я похваляю страсть твою. Нещастны тѣ родители, которые варварскою властїю любовь хотятъ поработить скупой фортунѣ, и будучи суровые мучители дѣтей своихъ изъ лестнѣйшихъ узъ несноснѣйшїе дѣлаютъ оковы! Беспокойство всегда неразлучно съ сими презрѣнными цѣпьми.

Меринваль сынъ.

Такъ чтожъ виною сей пагубной тоски? — Естьли плачевной случай исторгъ изъ рукъ вашихъ имѣнїе, которое было цѣною крови, пролитой предками нашими: то все имущество мое вамъ, батюшка, принадлежитъ, и я буду весьма счастливъ . . . .

Меринваль отецъ.

Нѣтъ, сынъ мой, не корыстолюбїе причиной унынїя моего. Бѣдность еще не самое ужасное

зло:

зло: есть нещастія, кои несноснѣе сего для чувствительной души.. Поди къ своей женѣ, и.... оставь меня умереть...все уже тщетно....

Меринваль сынъ.

Я могу.... я хочу вамъ помочь.

Меринваль отецъ.

Ты хочешъ узнать ужасную тайну? (*бѣжитъ къ сыну и обнимаетъ съ содроганіемъ*) Ахъ! нещастный сынъ! достойный другаго отца, чего ты требуешъ отъ меня?... Узнай же мою участь: однимъ словомъ я ужасомъ наполню грудь твою... Въ умирающемъ семъ старикѣ, въ предметѣ нѣжности твоей, который тебя одного своимъ другомъ имѣетъ, и теперь тебя обнимаетъ.... трепещи, ты верьхъ ужаса услышишъ.... ты видишъ въ немъ убійцу..

Ме-

Меринваль сынъ.

О небо!...

Меринваль отецъ

Ядоотравителя...

Меринваль сынъ.

Увы!

Меринваль отецъ

Еще, сынъ мой, не довольно сихъ преступленій; ты больше ужаснешся, когда узнаешъ имена жертвъ моихъ злодѣйствъ. — Конечно всемстящій Богъ сыновнимъ взорамъ открыть хочетъ мое сердце, и въ отцѣ его показать страшный примѣръ неисповѣдимыхъ дѣйствъ неумолимаго его гнѣва! Мы противъ воли нашей влечемся къ злодѣяніемъ!... О мудрость превѣчная! я чту твои уставы!... Мое нещастіе заклю-

чаетъ въ себѣ всѣ злополучїя и всѣ удары... Сядь, сынъ мой; внемли и трепещи: — Вышедъ изъ юныхъ лѣтъ, склонность къ воинскому званїю повлекла меня слѣдовать по стопамъ предковъ нашихъ. Въ примѣръ себѣ и начальникомъ избралъ я великаго и славнаго Конде; руки мои имѣли щастїе носить его знамена; но любовь отторгла меня отъ сихъ благородныхъ упражненїй, и желанїя мои въ любви только блаженства искали! Родители Софїи и Софїя сама побудили любовника, страстнымъ огнемъ пылающаго, оставить званїе солдата и быть щастливымъ супругомъ. Зажглися свѣщи желаннаго брака; но о Боже! въ какой часъ сопряжены были узы сїи? Этотъ замокъ приготовленъ былъ для меня; мы переѣхали сюда, чтобъ вкушать въ тишинѣ добро-

дѣтельную любовь, питаемую вѣрностью и укрѣпляемую временемъ. Сіи блаженные дни наконецъ ознаменовались твоимъ рожденіемъ. Я сталъ отцемъ; сердце мое отверзлось къ сладчайшимъ удовольствіямъ; казалось, что небо свершило всѣ желанія мои! . . . Нещастный! я ложнымъ пріятностямъ вѣрилъ! увы! какъ дорого заплатилъ я послѣ сего за всѣ сіи дары! — Селиньи, родствомъ сопряженный съ моею женою, раздѣлялъ со мной пріятность уединенія. Онъ вступалъ въ тѣ лѣта, въ которыя неукрощенное восхищеніе плѣняетъ прельщенныя наши чувства и пользуется ихъ слабостію; одна изъ красавицъ, посрамляющихъ любовь, воспламеняетъ Селинія, и исторгнувъ его изъ тихаго сего убѣжища, влечетъ съ собою въ сосѣдственный городъ, гдѣ они

бракомъ сочетаться хотѣли. Я препятствовалъ ихъ соединенію и противъ чрезмѣ-ру прельщеннаго сердца вооружилъ всѣхъ родственниковъ его; они удаляютъ предметъ его безрассудной страсти, и самая судьба благопріятствуетъ намъ: сей предметъ толь любимой, становится жертвою смерти. Но тѣмъ жаръ Селинья не погасъ, и ненависть его противъ меня устремила свое жало . . . . Конечно должно бы было мнѣ употребить больше искусства для преодолѣнія, а не для вящшаго усугубленія буйной страсти. Не рѣдко снисхожденіемъ и ласкою исправляется юношество. — Жена моя послабляя заблужденію своего родственника, хулила ревность старанія моего преодолѣть и потушить его пламень. Тонкія тучи несогласія между нами собрались, но разсу-

докъ

докЪ и любовь скоро ихЪ разсѣяли; и — я сталЪ счастливѣе и больше плѣненЪ.

Меринваль сынЪ.

Вы плачете!

Меринваль отецЪ.

АхЪ! сынЪ мой! я долженЪ горькія слезы лить; здѣсь открылось начало всѣхЪ моихЪ злополучій, и все нещастіе мое вЪ ясномЪ видѣ представилось моимЪ очамЪ. АхЪ! какая цѣпь превратностей ужаса преисполненныхЪ! ..ВЪ обЪятіяхЪ любви, осыпанЪ ея пріятствами, еще другое чувство ощущалЪ я вЪ моей душѣ; я чувствовалЪ нужду имѣть друга ... О! драгое и плачевное заблужденіе, которое также какЪ и любовь было виною всего нещастія моего!.. ПослѢ миру пріѢхалЪ вЪ сосѣдство наше одинЪ молодой ОфицерЪ, ко-

тораго отличалЪ ТюренЪ за его заслуги. ОнЪ назывался ЭвардомЪ, и его изощренный разумЪ, пленительная наружность, и пріятной видЪ, кажется предвозвещали вЪ немЪ честную и непорочную душу . . . ОнЪ сталЪ моимЪ другомЪ, и его привлекательная беседа ежедневно пленительнее становилась для нежнаго моего сердца, а вЪ отсутствіе мое его пріязнь услаждала твою скуку. Родственники наши, жившіе вЪ Париже, вЪ юности твоей взявЪ тебя кЪ себе, обучили темЪ знаніямЪ, которые вЪ другихЪ местахЪ совсемЪ вЪ небреженіи остаются. Вкушая единственно сладкія удовольствія любви, не зналЪ я мученій отЪ мрачнейшаго бешенства человеческаго сердца, отЪ ревнивости происходящихЪ! . . . Все ея пламенныя змеи вселяются вЪ мою

грудь . . . Письмо, писанное неизвѣстною мнѣ рукою, увѣдомляетъ меня, что сей другъ, сїе чудовище, которое я обнимаю, въ адъ превращаетъ здѣшнїя мѣста, что онъ измѣняетъ дружеству, природѣ, и небу, что онъ горитъ огнемъ порочной любви, что онъ мой убїйца . . . безчестный прелюбодѣй.

Меринваль сынъ.

Вашъ искреннѣйшїй другъ?

Меринваль отецъ.

Это еще не все; мать твоя .. о какое признанїе! какїя злодѣйства! . . мать твоя любовь его благосклонно принимала . . . мать твоя была виновна, и меня посрамляла. . . .

Меринваль сынъ.

Мать моя? о боже! мать моя!

Меринваль отецъ.

Она довершила оскорбленіе и подъ сердцемъ вѣроломнымъ носила залогъ сей гнусной и для всѣхъ троихъ толь пагубной любви.

Меринваль сынъ.

Ахъ! батюшка, престаньте.. всѣ удары вдругъ. . .

Меринваль отецъ.

Громъ грянетъ послѣ ихъ... Другое письмо чужей руки подтверждаетъ участь мою подробнымъ описаніемъ всѣхъ ужасныхъ дѣяній и поражаетъ сердце мое прискорбнѣйшими ударами... Сынъ мой, какія мерзкія крайности слышишъ ты изъ устъ моихъ!... Я не могъ долѣе сомнѣваться въ своемъ позорѣ;.. одно мщеніе мнѣ оставалось, а я спѣша отмстить, бѣгу къ бездѣльнику оскорбившему меня. Онъ спрашиваетъ о причинѣ

явной

явной моей ярости, а я отвѣчаю ему однимъ только сверкающимъ желѣзомъ. Принуждаю его отражать удары мстящей руки, но онъ кажется по неволѣ противится моему бѣшенству, и упавъ, осмѣливается прерывающимся гласомъ назвать меня другомъ. Тѣмъ паче усугубляетъ мою ярость, и я невольно отвративъ лице свое, смертельно пронзаю ненавистную грудь.

Меринваль сынъ.

Какія ужасныя превратности огорчаютъ вашу жизнь! я чувствую всѣ ваши злополучія, они наполняютъ всю душу мою. Развѣ къ нещастію смертныя сотворены?

Меринваль отецъ.

Мы были одни, но сердце мое видѣло все. Сердце мое возмущалось безпрестанно противъ меня,

 уко-

укоряло въ убійствѣ мстящую мою ярость, и представляло мнѣ Эварда въ видѣ друга, умерщвленнаго моею рукою. . . Ахъ! я чрезмѣрно любилъ его! Обагренъ кровію его, прибѣжалъ я къ матери твоей и кричалъ ей: ужъ нѣтъ того неблагодарнаго, котораго ты любить могла. — Что ты говоришъ? — Беззаконный Эвардъ лежитъ въ гробу и моею рукою поверженъ онъ туда; — я его наказалъ! Вотъ вѣроломная жена, вотъ къ чему принудило меня твое преступленіе: трепещи и будь сего дня моя вторая жертва . . . Я взношу ударъ . . . . невѣрная обнявъ мои колѣна, и представляя несчетныя прелести моимъ ревнивымъ взорамъ, трепещуща, растрепана, и, утопая въ слезахъ, побѣждаетъ мою ярость, и острое желѣзо падаетъ изъ рукъ моихъ. Она увѣряетъ, что

Эвардъ

Эвардъ невиновенъ, и оправдываетъ себя. . . Ахъ! сколь великую власть невѣрная надъ сердцемъ моимъ имѣла? Сколь трудно было преодолѣть толь сильную страсть и повѣрить, чтобъ Софія могла мнѣ измѣнить? . . . Я былъ готовъ еще больше ей покориться, я хотѣлъ ее обожать; но третіе письмо разтравило рану слабаго моего сердца, порицаетъ мою слабость и снова открываетъ глаза, которые только любовь примѣчать желали. Наконецъ должно было рѣшиться и почесть ее виновной! . . я определяю ея участь, и немилосердая рука, не внемля чувствамъ, которые я задушаю, спѣшитъ приготовить смертной напитокъ; и . . . . (*послѣ долгаго молчанія*) и сей напитокъ подноситъ матери твоей . . .

Меринваль сынъ.

О небо!...

Меринваль отецъ.

Прими, вѣроломная, достойную мзду отъ робкаго моего мщенія. Ты лишилась уже супруга и судья твой наказуетъ тебя. Прими и умри. — Она хочетъ обезоружить мой гнѣвъ; — я не внемлю твоимъ воплямъ, и не вижу твоихъ слезъ; сіи отъ ослѣпленія исцѣленныя очи не видятъ прелестей твоихъ, и ты должна умереть. Она тотчасъ съ спокойнымъ и невинымъ видомъ сказала: я съ радостію принимаю тотъ даръ, который твоя рука мнѣ предлагаетъ; онъ окончитъ мои мученія .... подай. (*Послѣ молчанія*) Когда ужасной ядъ началъ дѣйствовать во внутренности ея, тогда умирающая жертва, собравъ всѣ ослабѣвающія свои си-

лы, упрекаетъ чрезмѣрность мщенія моего, говоря: . . . ты виной смерти Софіи! ты, котораго она такъ любила! . . Мрачная ревнивость не позволяетъ тебѣ слѣдовать жалости; ты гнѣву своему пожертвовалъ любовью и дружествомъ. Эвардъ не питалъ въ груди своей порочной страсти, и супруга твоя всегда тебѣ вѣрна была. Тогда все поздно и невозвратно будетъ, когда будешъ оплакивать плачевную мою участь . . . Ты отецъ залога сокрытаго подъ сердцемъ моимъ . . . . При семъ словѣ вскричалъ я: онъ-то меня жестокимъ и учинилъ! — Мериналь, продолжала она, чадо это твое! . . . Мое? . . . Да, твое; ты безчеловѣчный его отецъ, и ты дѣлаешся ужаснымъ его убійцею. Сей въ сердцѣ моемъ твердо впечатлѣнный образъ, мученія умира-

ра-

рающей жены и сожалѣніе, котораго заглушить я не могъ: всѣ сіи виды вдругъ преодолѣли чувства мои. Я спѣшу помочь страждущей своей супругѣ; но — тщетныя старанія не исполняютъ моихъ желаній; . . . все свершилось и пресѣкается нить жизни моей; . . . пришелъ всему конецъ: одному небу извѣстна добродѣтель . . . У насъ остался сынъ, предметъ материнской нѣжности . . . будь ему отцомъ!

Меринваль сынъ. (въ слезахъ)

О дражайшая родительница моя!. . .

Меринваль отецъ.

Сказавъ сіе, подала она мнѣ руку . . . . я ее беру . . . хочу спасти ее отъ смерти и слезами моими открыть паки закрывшіеся очи . . . прижимаю ее сердце къ

своему сердцу . . . (*долгое молчаніе*) и она испускаетъ духъ.

Меринваль сынъ.

О рокъ злощастной! Печаль меня сокрушаетъ!

Меринваль отецъ.

Теперь участь моя тебѣ извѣстна; суди о моемъ мученіи . . . Я мнилъ, что исполнилъ законъ чести и отмстилъ за причиненное мнѣ оскорбленіе; . . . но беспрестанно ропщетъ въ груди моей тайной голосъ! . . . грызенія меня снѣдаютъ! . . . денно и нощно мрачный ужасъ меня окружаетъ! . . . грозящія тѣни жены моей и Эварда повсюду меня преслѣдуютъ и взору моему предстаютъ, . . . и даже нерожденной и умерщвленной младенецъ меня устрашаетъ! . . . Они были виновны, я не могу имѣть въ томъ сомнѣ-

мнѣнія . . . . я не вкушаю уже покою, которымъ наслаждается невинность! . . Не ужель небо предоставило отмщеніе своей власти? . . . Не можемъ ли мы, не нарушая правъ его, наказывать сами себя? . . . Увы! страданія ли одни намъ въ участь даны? . . (*встаетъ*) Послѣ такого признанія отъ отца, ты знаешъ, сынъ мой! что мнѣ дѣлать должно. Естьлибъ законъ не удерживалъ рукъ моихъ, то я давно бы ускорилъ смерть мою; но онъ въ наказаніе велитъ мнѣ жить. Онъ можетъ только располагать остальными моими днями. Я спѣшу сокрыться въ тѣхъ пристанищахъ святыхъ, которые благость отворяетъ нещастнымъ смертнымъ, и тамъ буду оплакивать печальныя сіи жертвы бѣшенства моего . . . . Мнѣ бы должно было простить имъ; но я

самъ

самъ участвовалъ въ ихъ преступленіяхъ . . . . я также виновенъ, какъ и они! . . . А естьлижъ они безвинны . . .

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣжъ и *слуга Меринваля отца.*

Слуга (отцу)

Вотъ, сударь, письмо . . . ,

Меринваль сынъ (впереди сцены, съ прискорбіемъ)

Какое возмущеніе во всѣхъ моихъ чувствахъ?

Меринваль отецъ.

Отъ кого?

Слуга.

Отъ незнакомаго.

Меринваль отецъ.

Подай. Отвѣта не надобно?

Слуга.

Нѣтъ, сударь, не надобно.

 Меринъ-

Меринваль отецъ.

Посмотримъ, что возвѣщаетъ это письмо? . . . Ахъ! развѣ не свершился верьхъ злощастія моего? Чего мнѣ еще опасаться? (*слугѣ*) Оставь насъ. (*слуга отходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Меринваль отецъ и сынъ.

Меринваль отецъ (прочитавъ письмо, кладетъ въ карманъ; нѣсколько времени хочетъ себя принудить, но вдругъ повергается въ кресла, возлѣ стола стоящія, воскрикнувъ.)

Я умираю.

Меринваль сынъ (подбѣжавъ къ отцу.)

Какая внезапная скорбь вамъ приключилась? . . . Батюшка . . . удостойте . . . . послѣдній часъ его пришелъ . . . . (*идетъ къ дверямъ*

рятъ и кличетъ громко) Эй, кто тамъ! Генрихъ! ступайте всѣ... помогите!...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Меринваль отецъ и сынъ, Генрихъ и нѣсколько слугъ.

Меринваль сынъ (Генриху и слугамъ.)

Батюшка умираетъ.... постараемся о соблюденіи дней его!... Пособите мнѣ отвести его въ спальню. (*отводятъ отца, который все еще безпамятенъ и голова его лежитъ на груди у сына*) О небо! можетъ ли сердце мое перенесть всѣ сіи удары? —

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Меринваль отецъ и сынъ, Евгенія, Роза, Генрихъ и еще двое слугъ.

Меринваль отецъ (все еще въ шлафрокѣ; въ рукахъ имѣетъ шпагу, которою хочетъ себя заколоть; его окружаютъ вышепомянутыя лица; сынъ его особливо покушается отнять у него шпагу; Евгенія старался помогать въ томъ своему мужу, вскрикиваетъ въ то время, какъ видитъ, что свекоръ ее хочетъ лишить себя жизни, и въ безпамятствѣ упадаетъ въ объятія Розы; а между тѣмъ мужъ ее упрямо сопротивляется бѣшенству своего отца.)

Меринваль сынъ. (старался отнять шпагу у отца)

Вы не исполните ужаснаго вашего намѣренія, Батюшка .... нѣтъ ....

- - - - - - - - -

Ген-

Генрихъ (помогая сыну.)

Государь . . . .

Меринваль сынъ.

Пронзите лучше мою грудь. . Вы покушаетесь прекратить ваши дни! какое слѣпое изступленіе! . . Воззрите на безчувственную мою жену . . . . ахъ! вы всѣхъ насъ поражаете. (*Отнимаетъ у него шпагу и бросаетъ ее подалѣе, а Генрихъ подымаетъ и отдаетъ другому слугѣ.*) Генрихъ, смотри, чтобъ никакое оружїе не попадалось въ его руки . . . . посадимъ его. (*съ помощїю Генриха и другихъ слугъ они сажаютъ Меринваля отца, который показываетъ конвульсивныя движенїя; потомъ возводя глаза къ небу, вздыхаетъ и падаетъ въ глубокое ослабленїе отъ печали. Сынъ его обнимаетъ.*) Батюшка . . . . Онъ меня не слушаетъ! Увы! я вашъ сынъ, . . вамъ нѣж-

нѣйшій другъ. (*Генриху, стоящему возлѣ Меринваля отца*) Смотри за нимъ . . . (*идетъ къ женѣ своей*) Возвратись къ заблужденнымъ чувствамъ твоимъ и успокой смущенныя очи свои. (*Евгенія приходитъ въ чувство, смотритъ на свекра своего и пребываетъ еще въ объятіяхъ Розы.*) Мы можемъ смягчить сіе свирѣпое отчаяніе . . . . (*возвращается къ отцу*) Развѣ вы меня не любите больше? (*отецъ пожимаетъ нѣжно его руку.*) Ахъ! естьли вы тронуты, естьли природа дѣйствуетъ въ мою пользу, то голосъ мой обезоружитъ сію мрачную ярость; по крайней мѣрѣ я узнаю сокровенную оной причину; воззрите на насъ; ваше состояніе всѣмъ намъ прискорбно. (*Меринваль отецъ поднимаетъ голову, и вздохнувъ тяжело, даетъ рукою знакъ Генриху и другимъ слу-*

слугамъ, чтобъ вышли вонъ) Исполните его желанiе; подите, оставьте насъ. (*Меринваль отецъ даетъ еще знакъ, чтобъ и Евгенiя съ Розой ушли. Меринваль сынъ Евгенiи.*) Поди и ты за ними, а я тотчасъ къ тебѣ буду.

ЯВЛЕНIЕ II.

Оба Меринваля.

Меринваль отецъ (все еще въ прежней печали, и облокотившись на столъ)

Меринваль сынъ.

Приказанiе ваше исполнено; теперь мы одни; и я надѣюсь, что вы, батюшка, откроете мнѣ вину настоящаго вашего изступленiя? Нещастiе ли страшное тому причиной, котораго время не можетъ облегчить? . . . Истреби-

те изъ мыслей вашихъ ужасныя воображенія . . . . Удалите образъ . . .

Меринваль отецъ (вставая съ гнѣвомъ, испуская печальный крикъ и простирая руки къ небу.)

Они были безвинны. (*Повергается паки въ кресла и удрученъ своимъ состояніемъ.*)

Меринваль сынъ.

Что я слышу! Мать моя! . . о скорбь! о жалость!

Меринваль отецъ (вынимая съ поспѣшностію письмо изъ кармана, отдаетъ сыну.)

Вотъ, читай, читай и всѣми ударами грудь мою рази.

Меринваль сынъ (беретъ письмо; въ сіе время отецъ изъявляетъ разныя изступленія печали и отчаянія и покрываетъ лице руками. Меринваль сынъ, читаетъ въ слухъ.)

„ На-

„Наконецъ могу я насладиться праведнымъ отмщенїемъ! Я „начну изображенїемъ тѣхъ мукъ, „коими ты меня умерщвляешъ; „они превзошли твое чаянїе. Для „меня во всей вселенной нѣтъ „другаго удовольствїя, кромѣ то„го, которое я напередъ уже „вкушаю, что ты больше меня „страдать будешъ! — Вспомни „твои крайности; противясь пла„мени, возгорѣвшему въ груди мо„ей отъ сильной страсти, ты хо„тѣлъ предписывать ему законы. „Предметъ, обожаемой мною, бу„дучи жертвой бѣшенства твое„го, отъ твоего гоненїя претер„пѣвалъ ужаснѣйшую участь. Мы „готовили узы желаннаго брака, „но твоя ярость ихъ расторгла; „и еще больше учинила: она уда„лила, она похитила мою любов„ницу, и прекрасныя дни ея увя-

„ дали вЪ неволѣ, а скорбь по-
„ вергла ее во гробЪ; однимЪ сло-
„ вомЪ сїя любезная женщина скон-
„ чалась! Я и теперь еще ее обожаю;
„ и остался жить для того, чтобЪ
„ отмстить за нее. Здѣсь обна-
„ руживается вся моя душа. Тако-
„ вы были твои благодѣянїя, и
„ вотЪ награда ихЪ.„

„ Умѣя владѣть твоимЪ легко-
„ вѣрїемЪ, я вЪ твою возмущен-
„ ную грудь поселилЪ всѣхЪ змѣй
„ и всю свирѣпость глупой и мра-
„ чной ревнивости! АхЪ! какЪ
„ сильна мстящая любовь! Я ослѣ-
„ пилЪ твои глаза, ожесточилЪ
„ сердце, развратилЪ разумЪ. КакЪ
„ послушный рабЪ ты по моей во-
„ лѣ слѣдовалЪ моей алчущей зло-
„ бѣ; я спокойнымЪ окомЪ взиралЪ
„ на всѣ твои движенїя и всякой
„ день твое слѣпое заблужденїе
„ умножалЪ. Я безпрестанно воз-

„ буж-

„ буждая твой гнѣвъ, щастливою
„ помощїю чужой руки писалъ къ
„ тебѣ; питалъ и разгорячалъ
„ твои изступленїя, преодолѣвалъ
„ твою любовь и заглушалъ твои
„ грызенїя. Управляя однимъ изъ
„ слугъ твоихъ, преданнымъ изъ
„ корысти намѣренїю моему, лож-
„ ными его доносами подтверж-
„ далъ писанїя мои и тебя прину-
„ ждалъ предпринимать тысячу
„ мечтательныхъ дѣйствїй! Я щи-
„ талъ всѣ твои поступки, какъ
„ ты вдавался въ разставленныя
„ для тебя сѣти, и мщенїе мое
„ до крайности пожирало свою до-
„ бычу. Воззри на свои злодѣй-
„ ства и чувствуй мою радость;
„ Эвардъ былъ образцомъ въ дру-
„ жествѣ, такъ какъ и жена твоя
„ примѣромъ женъ была; и мла-
„ денецъ во чревѣ ея былъ твой.
„ Я знаю все, отъ меня не скры-

„ вали

„ вали ничего; всѣ трое были жер-
„ твами твоего ревниваго бѣшен-
„ ства . . . . (*Меринваль сынъ*
„ *бросивъ письмо, съ поспѣшно-*
„ *стїю идетъ къ дверямъ.*)„

Меринваль отецъ.

Куда ты идешъ?

Меринваль сынъ.

Всѣми ударами вдругъ поразить ужасное чудовище . . . .

Меринваль отецъ.

Ужъ поздно, сынъ мой . . . . Дочитывай это пагубное письмо.

Меринваль сынъ (возвращаясь, беретъ письмо и продолжаетъ читать.)

„ И сего то ожидалъ оскор-
„ бленный любовникъ! Бесполезныя
„ изступленїя разслабляютъ твое
„ отчаянїе; но не умирай, не уми-
„ рай; я тѣмъ больше отмщенъ бу-
„ ду; и ты послѣ всѣхъ злополучїй
„ сно-

„сноси еще тягость жизни. Селиньи предоставляетъ тебя собственному твоему сердцу.... не предпринимай безразсуднаго намѣренія, сравниться со мною въ искусствѣ мщенія; когда ты получишъ письмо мое, то судьба моя не будетъ уже въ твоей власти, тогда я уже въ чужихъ буду странахъ, гдѣ стану проводить остальные дни мои. О естьлибъ и послѣ смерти моей ты могъ чувствовать ненависть мою! Изъ убѣжища тебѣ неизвѣстнаго смѣется твоимъ страданіямъ„

Селиньи.„

И чтобъ рука моя не могла пронзить его грудь и съ удовольствіемъ погрузиться въ окровавленное его сердце, я пойду.... полечу.... узнаю путь его побѣга.. Мать моя....

Мерин-

Меринваль отецъ.

Сынъ мой, ты хочешъ, чтобъ я былъ живъ? (*встаетъ съ поспѣшностїю и бѣжитъ къ сыну съ гнѣвомъ*) Отъ твоей руки ожидаю я перваго удара. Смягчи гнѣвъ гонящаго мя неба; (*открываетъ свою грудь*) пронзи сердце, обремененное тяжестїю нещастїя. Все, все мнѣ несносно, все оскорбляетъ, беспокоитъ, и ты.... спѣши уничтожить сїе сердце, добычу вѣчнаго злоключенїя, и лишивъ меня жизни, явись моимъ сыномъ.

Меринваль сынъ. (обнимая отца)

Лучше пусть мою жизнь тысячу разъ похитятъ. Оставьте, батюшка, оставьте сїе мрачное предпрїятїе; вы намъ всѣмъ кинжалъ во грудь вонзаете. (*въ сїе время, Меринваль отецъ паки повергается въ кресла и кажется воз-*

возмущенъ разными движеніями. Онъ плачетъ и голова наклонена на грудь) Именемъ нѣжности, именемъ природы, которая устами моими васъ умоляетъ, васъ заклинаетъ, согласитесь, батюшка. . . удостойте смягчиться моими слезами, (*повергается на колѣни*) которыми я въ сіи ужасныя минуты орошаю ноги ваши. Естьли васъ еще не трогаютъ сіи слезы, естьли вы нечувствительны пребываете, когда кровь тщетно требуетъ отъ васъ что ей принадлежитъ, то можете ли вы воспротивиться велѣніямъ закона? Онъ . . .

Меринваль отецъ.

Они были безвинны!

Меринваль сынъ.

Удаляйте, удаляйте всѣ страшныя представленія; вы не были виновны; ослѣпленіе васъ погубило; но

но помощїю добродѣтели преодолѣйте судьбу вашу. Обѣщайте небу, коего власть и вышнюю милость вы сами теперь признаете, обѣщайте сносить бремя вашихъ дней и почитать ихъ теченїе; торжествуйте надъ нападенїями мрачной скорби.

Мериналь отецъ. (подымая сына, и вставая, подходитъ съ нимъ ближе на Театрѣ.)

Я удовольствую тебя; обѣщаю жить, или лучше влачить вѣчную смерть. Душа моя на всегда предоставлена грызенїямъ. Но естьли, сынъ мой, ты хочешъ, чтобъ я былъ тронутъ твоими слезами, то для облегченїя злощастїя моего одно есть средство и ты мнѣ его напоминаешъ. Я прежде говорилъ тебѣ о святомъ убѣжищѣ, куда я уже спѣшилъ; ахъ! почто не исполнилъ я сїю блаженную

кую мысль! Тогда сїе письмо, мученїе стѣсненной моей души, не попалось бы въ руки нещастнаго, и я избавился бы сихъ послѣднихъ терзанїй. Сїе убѣжище благотишное ожидаетъ меня, и ты мнѣ въ томъ не сопротивляйся; я тамъ по крайней мѣрѣ преодолѣю упрямую мою судьбу и презрю жизнь и несносную ея тоску. Неужель несчастїе и при олтаряхъ гонитъ?

Меринваль сынъ.

Какъ? вы насъ хотите оставить?

Меринваль отецъ.

Ты хочешъ, чтобъ я съ твердостїю сносилъ бремя ужаснаго бытїя. Намѣренїе мое взято и ты исполнишъ желанїя мои; я сїюжъ минуту ѣду, но чтобъ здѣсь никому то не было извѣстно, а особливо, чтобъ жена твоя

того не знала; я опасаюсь ея встревоженной нѣжности. Дошедъ постепенно до толикихъ злоключенїй, въ глубокой пропасти, куда рокъ меня низвергъ, единъ Богъ только свою десницею держать меня можетъ, и я спѣшу къ сему Богу. Ступай и все приготовь .... (*обнимаетъ его.*) Съ трудомъ могу тебя пустить изъ отческихъ объятїй! Не знаю .... сынъ мой .... Поди ...

Меринваль сынъ (отошедъ, возвращается)

Жестокой! такъ онъ спасется отъ моей мстящей руки! Чудовище сїе насладится своимъ злодѣйствомъ! ... Какъ? не уже ли не знаютъ ....

Меринваль отецъ.

Тщетныя покушенїя! Незнакомый подавшїй письмо, тотчасъ удалился. Селиньи .... оставь

Бо-

Богу наказаніе его; онъ, сынъ мой, не можетъ спастись отъ правосудія Его; грозящая и воздѣтая десница Его повсюду порокъ настигаетъ и наказуетъ. Ахъ! неужель нѣтъ у него сердца, которое безъ сомнѣнія отмститъ за меня? Не кажи мнѣ слезъ проливаемыхъ тобою о моемъ отъѣздѣ; я тебя оставляя, уношу съ собой утѣшительную надежду, что нещастія мои могутъ утвердить твое благополучіе. Сынъ мой! я тебѣ оставляю страшный примѣръ крайностей, въ кои впадаетъ чрезмѣру чувствительная душа. Поди и возвратись скорѣй.

ЯВЛЕНІЕ III.

Меринваль отецъ (одинъ) (смотря за сыномъ, пока онъ изъ виду уходитъ.)

Съ прискорбіемъ исторгшись изъ его объятій . . . . Ахъ! какія имѣю я теперь желанія? Уничиженъ и пораженъ тысячами громовыхъ ударовъ, я бы желалъ погрузиться въ средоточіе земли и сокрыться отъ себя самаго; но не могу оставить сіи мною оскверненныя мѣста, которыя я долженъ презирать. Сынъ мой, послѣ десятилѣтней разлуки мнѣ возвращенъ; любовь моя призвала его въ сіи мѣста, и въ сей день, въ сію минуту . . . . Увы! едва увидѣлъ я его! и уже въ послѣдній разъ обойму . . . сына своего! . . . Нещастный! ты ли можешъ чувствовать узы природы? . . Она тебѣ довольно упрекаетъ

каетъ! Ея печальный голосъ довольно возвѣщалъ тебѣ всѣ твои злодѣйства . . . Нѣтъ, не льзя заглушить гласъ совѣсти. Другъ мой . . . супруга . . . Увы! любезная Софія! я владѣлъ твоимъ сердцемъ и прекратилъ жизнь твою! Младенецъ, младенецъ былъ мой! О небеса! . . . (*молчаніе*) Я не могу довольно ускорить моимъ отъѣздомъ отсюда . . Уѣду . . . пойду умереть. Могуль я еще въ глубокой скорьби моей обращать взоры на міръ? Это сонъ, бѣгущій отъ заблужденныхъ чувствъ моихъ! Я разторгъ всѣ узы, которые меня съ міромъ соединяли! Наскучивъ жизнію, при концѣ стези моей я кромѣ гроба своего во всемъ естествѣ ничего не вижу . . . . Я съ радостію въ него повергаюсь и съ собою уношу бесполезныя сожалѣнія, грызе-

нія и ужасЪ! Владыко судебЪ нашихЪ, единое прибѣжище мое; о Боже мой! буди мнѣ отецЪ, но не Судія . . . . СынЪ мой не приходитЪ! Противясь желаніямЪ моимЪ, не уже ли онЪ хочетЪ затворить предо мною жилище спокойствія? АхЪ! единственно при олтаряхЪ уничиженная душа сложить можетЪ нещастія, ея обременяющія. И подлинно, что больше кромѣ святаго закона удостоитЪ имѣть сожалѣніе со мною? Увы! человѣчество чрезмѣру оскорбленное мною, еще не довольно отомщено муками моими . . . . КакЪ онЪ медлитЪ возвращеніемЪ? . . . , отЪ чего я больше смущаюсь . . . . я слышу . . . , это сынЪ мой . . . (*видитЪ Евгенію.*) ОнЪ все открылЪ! . . . Евгенія! . . .

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

Меринваль отецъ, Евгенія и Роза.

Евгенія (прибѣгаетъ поспѣшно къ свекру, въ беспорядкѣ, показывающемъ возмущеніе.)

Ахъ! сударь! ахъ, батюшка!

Меринваль отецъ.

Ты плачешъ! . . . Скажи, чѣмъ ты такъ внезапно встревожена?

Евгенія.

Батюшка! Мер . . .

Меринваль отецъ.

Сынъ мой . . . ну чтожъ? сынъ мой . . .

Евгенія.

Оставилъ сіи мѣста.

Меринваль отецъ.

Успокойся; мы скоро его увидимъ.

Евгенія.

Все усугубляетъ исполненіе справедливаго страха; онъ, батюшка, вышелъ пылая гнѣвомъ.

Меринваль отецъ.

Кто?

Евгенія.

Супругъ мой.

Меринваль отецъ (въ сторону)

Сынъ мой!..О новый ужасъ!

Евгенія.

Незнакомый подошедъ къ нему, говорилъ съ нимъ тихо; тотчасъ испускаетъ Меринваль крикъ, который меня устрашилъ; беретъ шпагу и вырываясь изъ моихъ объятій, уходитъ ... и я больше его не увижу.

Меринвалъ отецъ (Розѣ)

Чтобъ тотчасъ за нимъ поспѣшили. Позови Генриха и всѣ пускай за нимъ сюда придутъ. (*Роза уходитъ*)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ V.

Меринваль отецъ и Евгенія.

Меринваль отецъ (въ смущеніи)

О Боже! о Боже! воздержи излетающую мою душу! Какое будущее время меня ожидаетъ? . . Куды дѣвался мой сынъ? Естьли это былъ тотъ жестокой. . . . Всѣ чувства мои ужасомъ обълты . . . . Не уже ли онъ въ сихъ мѣстахъ оставитъ опыты своей адской злобы? Еще я долженъ трепетать? (*Евгеніи*) Евгенія! ты говоришъ. . . незнакомой. . . какъ? . . . какимъ пагубнымъ случаемъ. . .

ЯВЛЕНІЕ VI.

Меринваль отецъ, Евгенія, Роза, Генрихъ и другіе слуги.

Меринваль отецъ (Генриху)

Генрихъ! я всего лишился . . . ищите сына; незнакомой . . . знайте . . . . ступайте. . . . (*въ сторо-*

рону) Гдѣ бы онъ былъ? (*всѣмъ слугамъ*) Можетъ быть застижете вы его у городскихъ воротъ; . . . ступайте къ лѣсу . . . по берегу рѣки . . . Каждый изъ васъ пускай пойдетъ особою дорогой и спрашивайте о немъ у всѣхъ встрѣчающихся . . . (*слуги разными путями уходятъ; Меринваль бѣжитъ за ними и возвращаетъ ихъ*) Постойте, друзья . . . Я забылъ вамъ сказать . . . Смотрите . . . имѣйте любопытныя взоры; примѣчайте . . . Ахъ! естьлибъ у васъ были отеческіе глаза? Я любезнѣйшаго сына требую отъ васъ . . . возвратите мнѣ его; бѣгите . . . (*еще ихъ возвращаетъ*) Нѣтъ, постойте . . . я самъ пойду . . . я хочу . . . Ноги мои отъ старости ослабѣли . . . но одушевленъ родительскою любовью, я найду моего сына . . . (*Евгеніи*) Я разсѣю

мракъ

мракъ твоей печали . . . и въ объятія твои возвращу предметъ твоей нѣжности. (*уходитъ съ Генрихомъ и со всѣми слугами*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Евгенія и Роза.

Евгенія (въ слезахъ)

Онъ хочетъ меня увѣрить, когда самъ безпокоенъ. . . . Мои слезы не возвратятъ Меринваля! . . . Всѣ чувства мои преисполнены мрачнымъ ужасомъ! Я слышу жалостныя крики . . . погружаюсь въ кровь . . . иду по мертвымъ тѣламъ . . . спѣшу къ супругу . . . вижу его умирающа . . . пронзенна тысячью ударами! . . .

Роза.

Да за чѣмъ вы, сударыня, дѣлаете себѣ такія печальныя представленія.

Евге-

Евгенія.

Печальнѣйшія предчувствованія меня смущаетъ . . . все меня тревожитъ и страшитъ. (*Розѣ*) Ахъ! ты никогда не любила. Истинная любовь никогда не спокойна. . . Ктобъ былъ тотъ жестокой, о которомъ батюшка говорилъ? Онъ его знаетъ . . . оба . . . проникнемъ въ сію тайну. Узнаемъ гдѣ въ сію минуту Меринваль, и пойдемъ воспротивимся ихъ запальчивости! Жестокія! . . Слезы мои ихъ тронутъ; я устремлюсь противъ ихъ ударовъ, кинусь между ихъ оружій; спасу Меринваля или . . . смертоносное желѣзо, пронзивъ мою грудь, окончитъ всѣ мои мученья.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Евгенія и Роза.

Евгенія (внѣ себя отъ печали.)

Какъ? все еще я не извѣстна, все еще встревожена; повсюду ношу съ собою несносную скорбь, и не могу получить и самой слабой ясности! Какой злой рокъ! какое смущеніе! Роза, развѣ нѣтъ еще извѣстій о Меринвалѣ? Отецъ его предоставляетъ меня сему смертельному страху! Развѣ никто еще не пришолъ?

Роза.

Никакъ нѣтъ, сударыня; однако должно думать, что ваши опасснія скоро исчезнутъ. Съ усердымъ раченіемъ протекая сіи мѣ-

мѣста, они конечно искали его во всемъ городѣ и смотрѣли по дорогамъ и въ окрестныхъ мѣстахъ. Все обѣщаетъ его возвращенїе желанїямъ вашимъ; и я съ восторгомъ ожидаю сего лестнаго исполненїя; но вы, сударыня, удалите отъ себя всѣ предметы порождаемыя печалью.

Евгенїя.

Они кажется представляются мнѣ противъ воли моей!

Роза.

Вы увидите вашего супруга. . .

Евгенїя (прискорбнымъ голосомъ)

Я его не увижу . . . не увижу болѣе! Злѣйшїя мученїя послѣдуютъ за симъ беспокойствомъ. О! естьлибъ небо открыло мнѣ его судьбу; однакожъ Роза, я увѣрена, что смерть его не утаятъ

отъ

отъ меня. Вотъ что тревожитъ мое сердце! Вотъ въ какое злощастїе я повержена! Сеголь я надѣялась?

Роза.

Какое странное побужденїе велитъ вамъ внимать ужасному предчувствованїю? Ожидайте лучшей участи, сударыня.

Евгенїя.

Едва спряжены узы брака, въ которомъ я, увы! все щастїе свое поставляла; . . . . но я тщетно плачу и вздыхаю. Умъ мой не можетъ преодолѣть сїе смущенїе и заглушить беспрестанно говорящїй голосъ. Гонящее насъ небо, должнобъ способствовать свершенїю нашихъ желанїй, преисполненныхъ нѣжнымъ чувствованїемъ; мы прїехали въ здѣшнїя мѣста въ объятїя любящаго отца, чтобъ

быть

быть утѣхою старости его; и будущее время представляло намъ веселую картину блаженства нашего. Я уже приближалась къ тому моменту, когдабъ должна была запечатлѣть сей для любви моей толь драгоцѣнный союзъ и къ названію супруги присоединить имя матери, какъ внезапно Меринваль по неизвѣстному мнѣ случаю, спѣшитъ конечно отмстить какое либо оскорбленіе и противупоставить непріятелю отважность свою . . . Ты тщетно то отъ меня скрываешъ: скорбь моя увѣряетъ меня въ томъ. Сіе чувствованіе, котораго ужасъ я ощущаю . . . . Онъ кровію своею пожертвуетъ запалчивости своей; я безъ сомнѣнія лишусь супруга . . . Я не знала . . . .

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ II.

Меринваль отецъ Евгенія Роза и слуга, ведущій Меринваля, который теперь одѣтъ.

Евгенія (бѣжитъ ему на встрѣчу)

Его нѣтъ съ вами! Ахъ! скажите . . . . не скрывайте ничего. Я лишилась Меринваля! (*Розѣ*) Ты видишъ, что мое нещастіе теперь извѣстно!

Меринваль (котораго сажаютъ въ кресла возлѣ стола)

Мы не знаемъ еще его участи!

Евгенія.

И пришли безъ него!

Меринваль.

Дряхлость лѣтъ препятствовала упредить гоненія суровой судьбы. Я усугубилъ шествіе свое . . . спѣшилъ къ сыну моему

. . . Лестная надежда наполняла чувства мои; и наконецЪ я уже готовился осушить твои слезы, какЪ вдругЪ силы мои мнѣ измѣнили.

Евгенія.

О небо!

Меринваль.

И безЪ сына моего меня сюда привели. ОднакожЪ есть еще надежда. Вѣрный ГенрихЪ употребляетЪ все усердіе свое, чтобЪ его найти, и всѣ люди мои, преисполненны новою ревностію, удвоивЪ свои старанія, повсюду ищутЪ вЪ сосѣдственныхЪ избахЪ, и на всѣхЪ дорогахЪ . . . и безЪ сомнѣнія найдутЪ его. . . О жестокая старость! Почто отецЪ чувствовать долженЪ твое безсиліе? Почто сердца пылающія живѣйшимЪ огнемЪ, должны претер-

терпѣвать суровости лѣтъ? Ахъ! любезная Евгенія, успокой твое смущеніе; увы! слезы твои мою грудь орошать будутъ. (*въ сторону*) Незнакомой . . . я опасаюсь, чтобъ не случилось еще какого злодѣйства.

Евгенія (смотря на Меринваля)

Вы, батюшка, безпокоитесь! . . . Вы скрываете что нибудь тайное отъ меня.

Меринваль (въ сторону)

О Боже! естьли ей извѣстна причина злополучій моихъ. . . . (*Евгеніи*) Что ты говоришъ? . .

ЯВЛЕНІЕ III.

Меринваль *отецъ*, **Евгенія**, **Роза**, *слуга и еще другой.*

Меринваль (съ поспѣшностію вставъ, идетъ нѣсколько на встрѣчу пришедшему слугѣ)

Ну! видѣлиль его? и гдѣ?

Другой слуга.

Мы безполезно, сударь, искали по дорогѣ, около лѣсу и къ городу. Мы усугубили наши старанія; но любопытныя очи наши ничего открыть не могли. . . . Вамъ извѣстно, сударь, усердіе насъ одушевляющее.

Меринваль.

Да спрашивалиль вы?

Другой слуга.

Мы не могли ничего свѣдать ни отъ кого.

Меринваль (въ сторону)

Все измѣняетъ моему упованію, и желанія мои не исполняются!

Евгенія (съ жаромъ Меринвалю)

Они вѣрно не искали! . . Какъ на нихъ полагаться? . . . Батюшка!

ка! . . Жестокія! знаютЪ ли они какЪ любятЪ? Они его не нашли! я сама, сама иду . . .

Меринваль.

КакЪ можешь ты надѣяться?

Евгенія.

Любовь утвердитЪ мои стопы и откроетЪ очи . . . Я не возвращусь безЪ вашего сына, безЪ супруга, до обожанія любимаго. Хотитель, батюшка, чтобЪ я еще хоть мало медлила?

Меринваль (людямЪ)

Скажи, искалиль вы вЪ отдаленныхЪ отЪ дороги хижинахЪ?

Другой слуга.

Искали, сударь, но безЪ всякаго успѣха.

Меринваль.

И ничего не слыхали обЪ немЪ.

Другой слуга.

Ничего, и усердіе наше было безполезно.

Меринваль.

О несчастный отецЪ!

Другой слуга.

ВамЪ, сударь, извѣстно, что молодаго барина почти здѣсь не знаютЪ, потому что только два дни, какЪ онЪ сюда пріѣхалЪ . . .

Меринваль (сЪ жаромЪ)

Ступай, другЪ мой, опять . . . спѣши . . .. лети . . . Я не оставлю безЪ награды сію толь важную услугу; бѣги . . . и всего ожидай отЪ признательнаго сердца моего. (*слуга уходитЪ. Меринваль вЪ сторону*) О небо! лиши меня имущества, жизни, лиши меня всего . . . но возврати дражайшаго сына . . .

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

Меринваль отецъ, Евгенія, Роза, первой слуга.

Меринваль (Евгеніи, которая плачетъ и голову склонила на грудь Розы)

Любезная Евгенія! не предавайся мрачному отчаянію. Мы узнаемъ . . . мы его увидимъ; повѣрь, Евгенія, что это не пустая надежда. (*въ сторону, подошедъ по ближе на сценѣ.*) Что я говорю: несчастной! я стараюсь ее утѣшить! Обремененъ несноснымъ злополучіемъ, должноль мнѣ еще трепетать о любезномъ сынѣ? . . . Селиньи наполнилъ ужасомъ грудь мою! Сей страшный образъ на всегда останется тамъ впечатлѣнъ. Его рука поразила меня тѣми ударами, которые меня умерщвляютъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и третій слуга.

Мѣринваль (съ жаромъ слугѣ)

Нашли, нашли его?

Третій слуга.

Мы тщетно его ищемъ.

Евгенія (Меринвалю)

Безпрестанно возмущается мое сердце; для меня нѣтъ уже надежды, и силы мои меня оставляютъ; можноль назвать жизнію, претерпѣваніе толь ужасныхъ мученій; это тысячекратная смерть. Увы! могла ли я обмануться? Погибель его извѣстна и моя....

Меринваль.

Отчаяніе терзаетъ мою душу.... (*третьему слугѣ*) Нѣтъ извѣстій! О боже! нѣтъ нималой надежды!

Тре-

Третій слуга.

Мы ничего не свѣдали, а только говорили . . .

Меринваль.

Что говорили? . . . скажи, скажи . . .

Евгенія (слугѣ)

Скажи скорѣе.

Меринваль.

О провидѣніе! сынЪ мой . . .

Третій слуга.

На дорогѣ, гдѣ начинается ровное поле. . .

Меринваль.

Ну что?

Третій слуга.

Найдено мертвое тѣло

Евгенія.

Это онЪ конечно!

Меринваль.

АхЪ! это сынЪ мой!

Евгенія.

ПойдемЪ, батюшка, и вЪ сію минуту . . . .

Меринваль.

Я не могу снести . . . . силы мои меня оставляютЪ. Тѣни смертныя меня окружаютЪ. Ты лишилась супруга, а я сына! (*садясь на кресла, склоняетЪ голову*)

Третій слуга.

ГоворятЪ, что онЪ путешествующій . . .

Меринваль.

Ты говоришь . . . путешествующій . . . . чувства мои . . . жизнь моя возвращается. Это не онЪ, Евгенія, ты слышишь, что не

не онъ; мы прежде временно въ нещастїе вдаемся; какъ трудно сердцу моему быть безъ надежды! (*третьему слугѣ*) Неизвѣстно ли его званїе, черты, возрастъ?

Третїй слуга.

Я ничего больше узнать не могъ.

Евгенїя.

Чегожъ еще больше?

Меринваль (Евгенїи)

Ахъ! оставь меня въ сомнѣнїи. Не увѣренное сердце мое охотно отвращаетъ ужасную участь; почто, по чаянїю...

Евгенїя.

По чаянїю, батюшка? Чегожъ хотите вы больше? Тутъ правда ясна! —

Третїй слуга (Меринвалю)

Говорятъ, что онъ отсюда вышелъ...

Меринваль.

Такъ все свершилось. Я вижу нещастіе мое. Вотъ послѣдній ударъ, о небо! (*печаль удручаетъ Меринваля.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣжъ и нѣсколько слугъ еще.

Меринваль.

Гдѣ сынъ мой?

Пришедшій слуга.

Влекомы усердіемъ, мы спѣшили сюда, извѣстить васъ, сударь, о томъ, что мы слышали отъ вѣрнаго Генриха; онъ знаетъ участь любезнаго сына вашего; онъ въ слѣдъ за нами будетъ и отъ него вы все узнаете.

Меринваль (попеременно обнимая своихъ людей.)

Какъ могу я возблагодарить вамъ, достойные друзья, за та-

такія ваши услуги? (*Евгеніи*) Пускай теперь сердца наши сладчайшими чувствованіями восхищаются . . . . . сынЪ мой . . . подлинно ли правда, что отецЪ твой тебя паки увидитЪ? Все сердце мое . . . я еще чувствую радость!

Евгенія (приближаясь на сценѣ и осматриваясь)

ОднакожЪ . . . его еще не видать.

Меринвалъ.

Ты можешь надѣяться, и перестань отдаваться тщетному опасенію. Друзья мои . . . извините мое беспокойство; вамЪ извѣстна сила родительской любви; вЪ вашихЪ сердцахЪ царствуетЪ чувствительность, вы ощущаете пріятства натуры; вы почитаете священное сіе званіе, могущественный сей союзЪ, нѣжное имя от-

отца; вы знаете, что такое сынъ . . .

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣжъ и Генрихъ.

Меринваль (бѣжитъ на встрѣчу Генриху, у котораго на лицѣ изображена печаль.)

Ну чтожъ? любезной Генрихъ, и такъ нашли его! Чтожъ онъ нейдетъ сюда? зачѣмъ . . . не уже ли то, о небо! ложное извѣстіе? Ты не участвуешъ въ нашей радости! . . . въ твоихъ взорахъ читаю я мрачную скорбь . . . Сынъ мой . . . онъ не возвращается въ объятія наши . . . .

Генрихъ (трогательнымъ голосомъ)

Онъ найденъ, сударь.

Меринваль.

О боже! ты меня устрашаешъ; ты прискорбнымъ голосомъ изъясняешся! Генрихъ.

Евге-

Евгенія.

Какой ужасъ меня объемлетъ!

Генрихъ (Меринвалю)

Не могуль я съ вами поговорить на единѣ?

Меринвалъ (людямъ)

Оставьте меня, друзья мои, подите . . . я едва живъ. Что скажетъ онъ мнѣ?

Евгенія.

Увы! смерть его извѣстна.

Генрихъ (трогательнымъ голосомъ Евгеніи, которая уходитъ)

Останьтесь, сударыня, останьтесь. (*люди выходятъ*)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Меринваль отецъ, Евгенія и Генрихъ.

Сей последній устремилъ взоры на заднюю часть театра, и дожидается пока всѣ вышли; потомъ съ печальнымъ видомъ подходитъ ближе на сценѣ и становится между Меринвалемъ и Евгеніей; сіи лица нѣкоторое время сохраняютъ молчаніе и смотрятъ другъ на друга съ ужасомъ.

Генрихъ (обращая взоръ на Меринваля и печальнымъ голосомъ)

Да, участь его извѣстна.

Меринваль.

Ты плачешъ! ты вздыхаешъ!

Генрихъ.

О нечаянное злощастіе!

Меринваль (повергаясь въ кресла, и поддерживая голову руками.)

Я ослабѣваю . . . (*послѣ нѣкотораго времени, поднимая голову.*)

ву) Ну, Генрихъ, рази, отъемли жизнь у меня: я ожидаю послѣднихъ ударовъ. (*Евгеніи, находящейся въ крайней печали*) Нѣжная Евгенія! ты усугубляешь мои мученія! (*Генриху*) Не раненъ ли, не умираетъ ли онъ? не лишилсяль я его?

Генрихъ.

Я объявляю еще вящшее нещастіе!

Меринваль.

Еще вящшее нещастіе! О небо! возможноли? и . . . какъ можно поразить меня еще ужаснѣйшимъ злополучіемъ? Никакія казни не могутъ сравниться съ моими мученіями.

Генрихъ.

Убитой человѣкъ . . .

Меринваль.

Это вѣрно мой сынъ!

Генрихъ.

Этобъ щастїе для насъ было!

Меринваль.

Чтожъ скажешъ ты намъ еще?

Генрихъ.

Незнакомой тотъ умеръ въ потокахъ крови своей. Рука, поразившая его . . . Я не могу докончать . . . вы меня должны понять.

Меринваль (Генриху)

О боже! скажи . . . . Всѣ чувства мои напередъ уже возмущаются.

Генрихъ.

И такъ! . . виновникъ убїйства . . .

Меринваль.

Сынъ мой? . . Молчанїе твое . . . жестокой! Теперь ты все объявилъ.

Ген-

Генрихъ.

Такъ, отецъ злополучный, онъ, сынъ твой . . . въ темницу отведенъ . . .

Меринвалъ (внѣ себя отъ скорби)

Сынъ мой! въ темницѣ! Ахъ! меня . . . меня туда ведите! ведите поскорѣй! Я долженъ терпѣть ужасное сїе наказанїе . . . Да, я, я виноватъ; я убїйца, я далъ кинжалъ сыну моему. (*Евгенїи и Генриху.*) Вы узнаете все . . . силы мои . . . О! естьлибъ онѣ теперь утвердились! я могъ . . могъ учинить злодѣянїе, а теперь, о! верьхъ злощастїя! теперь не въ силахъ спѣшить къ сыну, которому я грудь пронзаю. (*Завѣса опускается.*)

Конецъ третьяго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Театрѣ представляетѣ Судейскую комнату.

ЯВЛЕНІЕ I.

Судья, *шесть Совѣтниковъ, Секретарь и караульной.*

Судья (Сидитѣ окруженный Совѣтниками. На сторонѣ возлѣ Судьи поодаль у стола сидитѣ Секретарь. Караульной дожидается вѣ концѣ зала.)

Судья (вставая вмѣстѣ сѣ Совѣтниками)

Доносѣ окончанѣ. (*одному Совѣтнику*) Я останусь здѣсь и выслушаю молодаго человѣка . . .

Совѣтникѣ (Судьѣ, а прочіе Совѣтники говорятѣ между собою)

Можноль было ожидать отѣ него тикого преступленія; я видѣлѣ

дѣлъ его . . . Подъ чертами изображающими добродушіе, скрывалось такое бѣшенство и суровость! Въ лѣтахъ, въ которыя пріятностію наполняется жизнь, имѣть толь ожесточенное сердце и быть убійцей! Сія ужасная и непонятная противность въ семъ человѣкѣ, беспрестанно меня возмущаетъ: трогающее сожалѣніе составляетъ его характеръ; но притомъ никакое чудовище не можетъ имѣть сердца, паче крови жаждущее, какъ его! Судьба ли владѣющая чувствами нашими, влечетъ насъ къ преступленію и склонности принуждаетъ! Зависитъ ли слабое естество наше отъ власти, расположенной къ злу? Нѣтъ, существо вышшее велитъ и дѣйствуетъ въ насъ; но мы не слышимъ гласу его. . .

Судья (Совѣтнику.)

Равно какъ вы удивляясь разнымъ преодолѣвающимъ насъ движенiямъ, сраженный умъ мой тщетно вины того ищетъ. (*Караульному*) Ступай и приведи виновнаго. (*Караульной выходитъ*) Въ сiе самое время, имѣемъ мы здѣсь удивительной примѣръ сей противности непонятной; вы говорили о молодомъ человѣкѣ, котораго видѣли? Разумъ мой никогда въ большемъ замѣшательствѣ не былъ. Видъ его раждаетъ сильное участвованiе, и даже голосъ такъ прiятенъ, и возвѣщаетъ честь, добродѣтель и благородство; наружность его показываетъ щастливую невинность; лице его . . .

Караульной (возвратясь, докладываетъ Судьѣ)

Преступникъ . . .

Судья.

Судья.

Введи его. (*Совѣтникамъ*) Сожалѣйте обо мнѣ. Я чувствую всю тяжесть трудной должности своей. (*Совѣтники выходятъ въ боковую дверь*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Судья, Меринваль сынъ, Секретарь, караульной.

(Тюремщикъ приведя къ дверямъ Меринваля, отдаетъ караульному, который ведетъ его къ Судьѣ. Меринваль безъ шляпы, безъ шпаги, безъ пряжекъ на башмакахъ, такъ какъ бываютъ судимые.)

Судья (въ сторону)

О святое правосудіе! приди управляти мое сужденіе, и рѣши само. Твоя небесная ясность разсѣваетъ мраки . . . Подойди. (*Ме-*

ринваль приближается къ Судьѣ; караульной выходитъ, и остаются только Секретарь, Судья и Меринваль) Подыми руку. (*Меринваль поднимаетъ руку*) Обѣщай Богу, слышащему твои словеса, проницающему во внутренность сердецъ и наказующему обманъ, что ты здѣсь объявишь сущую истинну.

Меринваль.

Обѣщаю.

Судья.

Успокой смущенный свой духъ.

Меринваль (въ сторону)

Я! въ видѣ преступника! не сонъ ли это страшный!

Судья.

Скажи твое имя?

Меринвалъ.

Я обѣщалъ говорить истинну. Мое имя . . . позвольте, сударь, скрыть его.

Судья.

Не льзя . . .

Меринвалъ.

Это тайна . . . удостойте . . .

Судья.

Ты не исполняешь закона: онъ нарушается симъ умолчанїемъ . . (*Секретарю*) Запиши его отказъ. (*Меринвалю*) Званїе твое какое?

Меринвалъ.

Дворянство получилъ я отъ предковъ моихъ, и хотѣлъ самъ возвысить цѣну онаго; но тщетна была моя надежда!

Судья.

Сколько тебѣ лѣтъ?

Меринваль.

Мнѣ двантцать одинъ годъ.

Судья.

Какой ты уроженецъ?

Меринваль.

Въ Парижѣ я родился; но увы! лучшебъ было, естьлибъ я тамъ гробъ свой имѣлъ.

Судья (въ сторону.)

Я самъ удивляюсь сожалѣнію моему! (*Меринвалю*) Тебя обвиняютъ въ убійствѣ и въ томъ есть много свидѣтелей. . .

Меринваль.

Они не нужны, когда я самъ признаюсь: я виноватъ, потому что не льзя безъ преступленія погубить подобнаго себѣ.

Судья.

Но что тебя къ тому побудило? Не уже ли прелесть золота . . .

Мерин-

Меринвалъ (съ негодованіемъ и невольно хочетъ будто вынуть шпагу)

Какъ, сударь . . . (*вынимаетъ платокъ и отирая слезы.*) Ахъ! по сему оскорбленію чувствую я нещастіе свое . . . . (*судьѣ*) Единымъ словомъ подлости, возмущается душа моя . . . Я, сударь, всегда достоинъ былъ дворянства своего, и никто кромѣ васъ . . . . однако простите . . . простите мнѣ . . . Живѣйшая скорбь снѣдаетъ чувства мои . . . Нѣтъ, я не могъ снести сей обиды.

Судья.

Чтожъ тебя побудило?

Меринваль.

Мщеніе, ярость, жажда крови, которую бы безъ сомнѣнія подлѣйшія руки должны были пролить; небо медля ударить и грянуть громомъ своимъ, не очищало

зе-

землю отъ гнуснаго сего чудовища; но я предупредилъ удары неба, и пронзилъ его грудь . . Да, я омылся въ потокахъ его крови.

Судья.

Успокойся; откуду такое бѣшенство?

Меринвалъ.

Естьлибъ вы знали . . . Чудовище сїе имѣло одну только жизнь . . . и за всѣ толикїя злодѣйства токмо смертїю можно было его наказать! Однакожъ мнѣ не для чего стыдиться того, что я учинилъ. Исполняя законы, предписываемые честїю, справедливой гнѣвъ мой не нарушилъ ихъ. Будучи дворяниномъ, я только сїе скажу наконецъ: что я его убилъ, а не подло умертвилъ.

Судья.

Какая же причина вооружила твое мщенїе?

Меринваль.

Причина сія во мракѣ неизвѣстности сокрыта будетъ. Ябъ могъ прибѣгнуть къ ложнымъ предлогамъ; но не могу обманывать... Однакожъ мнѣ не трудно будетъ умереть. (*Секретарь записываетъ всѣ вопросы и отвѣты*)

Судья.

Ты настоишъ на то?

Меринваль.

Тайная сія причина не выдетъ изъ устъ моихъ...

Судья.

Кто былъ соучастникомъ п зоимъ?

Меринваль (съ важностію)

Я одинъ будучи твердъ въ преднамѣреніи моемъ, расположилъ, исполнялъ и свершилъ его: я все сдѣлалъ одинъ, меня одного

нака-

наказывайте. Довольно сего признанія... все вамъ извѣстно и мнѣ нечего больше объявлять.

Судья.

Какъ! ты упрямишься?..?

Меринваль.

Я вамъ уже сказалъ, сударь, что вы не исторгнете сей тайны изъ сердца моего, и я ее съ собою во гробъ снесу: нѣтъ, не думайте, чтобъ я поколебался или устрашился. Мученія и смерть... и какая смерть! о Небо! ничто не побудитъ меня нарушить вѣчное молчаніе... Ябъ могъ оправдать справедливой гнѣвъ, который общая польза преступленіемъ назвать должна, когда я, можетъ быть, въ моихъ глазахъ невиненъ; я исполнилъ... что должно было. Я знаю, чего я долженъ ожидать, и знаю, что законы меня осуждаютъ,

ютъ, и что они непремѣнны ...,
при семъ ужасномъ представленіи
мужество меня оставляетъ! (*со вздохомъ*) Ахъ! родитель мой.
(*наклоняетъ голову*)

Судья (въ сторону)

Онъ меня трогаетъ, и я чувствую нещастіе его. (*Меринвалю*)
И такъ у тебя есть отецъ.

Меринваль (плачущи.)

Это-то меня и сокрушаетъ!
Такъ, сударь, у меня есть отецъ, которому я, увы! надѣялся быть утѣхою въ старости; жена моя скоро бы ощастливила меня залогомъ любви нашей .. Ахъ! естьлибъ онъ не увидѣлъ свѣта! Онъ долженъ только плакать и не будетъ знать отца своего. ... Я цѣлое семейство, отца, жену, и младенца во гробъ повергаю. ...
Они всѣ трое обьемлютъ колѣна

ваши, и черезъ меня умоляютъ васъ. Я не прошу, чтобъ непоколебимый Судья преодоленъ жалостiю, сталъ чувствительнымъ человѣкомъ. Я знаю строгость вашего званiя; исполняйте должность онаго и будьте Судьей . . одномъ словомъ: объявите приговоръ къ смерти. Но можетъ ли, сударь, правосудiе быть такъ жестоко, чтобъ могло отвратить ухо свое отъ единственной милости, которой человѣчество отъ вашего сердца ожидаетъ? Человѣчество за меня умоляетъ васъ: чтобъ скорая казнь свободила меня отъ мученiй жизни! Я не желаю продлить число дней, которыхъ теченiе печаль скоро пресѣчетъ; я свергаю бремя несносное для меня; но одного только благодѣянiя ожидаю, одной милости прошу, чтобъ скрывая отъ

здѣш-

здѣшнихъ мѣстъ участь мою, я могъ претерпѣть смерть въ отдаленнѣйшихъ краяхъ . . . на концѣ свѣта! . . . По крайней мѣрѣ родитель мой и жена моя, не заслужившіе гнѣвъ неба, не будутъ знать плачевной моей кончины. Сынъ, мужъ и нещастной, котораго каждая минута бываетъ виною беспокойствъ, (*становится на колѣни*) у ногъ вашихъ со слезами васъ умоляютъ. Сжальтесь. . .

ЯВЛЕНІЕ III.

Судья, Меринваль сынъ, Секретарь, караульной.

Караульной (Судьѣ)

Плачущій старикъ . . .

Меринваль (вставая съ поспѣшностію)

Старикъ! ахъ! это конечно родитель мой! Я умираю . . .

(*подходя къ караульному*) Одну минуту. . . .

Караульной (Судьѣ)

Проситъ, чтобъ его впустили сюда.

Судья (караульному)

Впусти его. (*Секретарю*) Оставимъ дѣло. (*Секретарь закрываетъ дѣла свои.*)

Меринваль (Судьѣ)

Терзается душа моя . . . Погодите . . . (*въ сторону*) Онъ узнаетъ . . . (*Меринваль бѣгаетъ по сценѣ, то къ караульному, то къ Судьѣ.*)

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ IV.

Судья, Меринваль сынъ, Меринваль отецъ, Секретарь и караульной, который приведя Меринваля отца, уходитъ; старикъ повергается въ объятія сына.

Судья (въ сторону, узнавъ Меринваля отца)

О Боже! что я вижу! Меринваль его отецъ.

Меринваль отецъ (все еще въ объятіяхъ сына, послѣ долгаго молчанія)

Сынъ мой! это ты! это ты! о небо! въ какомъ положеніи! ... (*съ поспѣшностію идетъ къ судьѣ*) Накажите виноватаго; а сынъ мой никогда не могъ быть преступникомъ . . . . Я, я виноватъ.

Судья.

Какъ?

Меринваль сынъ (Судьѣ.)

 Ахъ!

Ахъ! сударь, не слушайте, отъ сокрушенія внѣ себя находящагося отца . . . который желаетъ спасти меня . . . (*тихо отцу своему*) Вы меня пагубите, батюшка: скрывайте еще сію ужасную тайну . . .

Меринваль отецъ (Судьѣ)

Такъ, сударь, я виноватъ . . .

Меринваль сынъ (съ жаромъ)

Нѣтъ, батюшка, вамъ не повѣрятъ. (*отцу своему тихо*) Естьли вы одно только вымолвите слово, то ускорите казнь мою.

Меринваль отецъ (сыну тихо)

Добро! . . я буду молчать о томъ. (*Судьѣ*) Разсудите о злополучіи моемъ; не льзя ли умолить строгое правосудіе? Должноль сыну моему . . . увы! отецъ нещастной! Определеноль было те-

тебѣ умереть ужасною сею смертію? Вы меня разумѣете, сударь? . . (*плачетъ*)

Судья.

Я чувствую прискорбіе ваше, и имѣя также отеческое сердце, почитаю слезы ваши. Уговорите сына вашего, объявить откровенно причину и дѣйствія запальчивости такой: какая тому вина, что къ убійству побужденное мщеніе его, могло . . .

Меринваль отецъ (съ жаромъ)

Обѣщайте спасти его жизнь, и . . . все вамъ открыто будетъ.

Меринваль сынъ (тихо отцу своему)

Батюшка . . . (*Судьѣ*) Онъ ничего не знаетъ. Внѣ себя отъ прискорбія . . . Я уже говорилъ вамъ, что отецъ любящій сына, прельщается тщетною надеждою . . .

Чрезмѣрная нѣжность . . . (*въ сïе время Меринваль отецъ, удрученъ печалью, находится напереди сцены*) Я просилъ васъ сдѣлать милость. Небо хощетъ, чтобъ я претерпѣлъ жесточайшую участь, и претерпѣлъ бы оную въ присутствïи отца . . . Подвергаясь правосудïю, я съ твердостïю ожидать буду приговоръ мой; но по крайней мѣрѣ позвольте, чтобъ сынъ, на смерть грядущïй, могъ здѣсь поговорить съ отцомъ своимъ.

Судья (чувствительнымъ голосомъ)

Я согласенъ на то, и радъ позволять, чего не воспрещаетъ строгая должность. Повѣрь мнѣ, правосудïе не ожесточаетъ сердецъ и мы должны всегда облегчать судьбу нещастныхъ. (*уходя, Секретарю*) смотри за ними.

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ V.

Оба Меринваля и Секретарь.

(Секретарь назади театра, разбираетъ свои бумаги. Другія два лица почти на краю сцены, такъ что говоря не очень громко, не слышимы будутъ стоящими назади. Отецъ и сынъ смотрятъ нѣкоторое время другъ на друга, не говоря ни слова.)

Меринваль отецъ.

Вотъ чему я виною! сынъ мой!

Сынъ.

Не унывайте, сударь, я вамъ отвѣчаю въ твердости моей.

Отецъ.

И ты хочешь, чтобъ я видя тебя умирающаго, еще хранилъ тайну, которая была виной нещастій твоихъ! Нѣтъ, жестокой, не ожидай сего отъ отца своего; я не знаю, какая непреодолѣваемая сила доселѣ принуждала меня

 мол-

молчать; но теперь все объявлю.,, въ Судейскомъ собранiи и открою имъ еще неизвѣстныя злодѣйства. Законы требуютъ жертвы, которую я въ руки ихъ предамъ. Я одинъ учинилъ преступленiе, и меня одного терзаютъ безсильныя грызенiя, которыя одни наказанiя...

Меринваль сынъ (**подходя ко отцу**)

Умѣрьте возмущенiе ваше; насъ могутъ услышать.

Отецъ.

Ахъ! пускай сiи мѣста, весь свѣтъ, вся вселенная наполнятся глубокою скорбью моей! Пускай слезы мои, пускай вопли вездѣ слышимы будутъ, пускай всѣ знаютъ, что я... Всѣ чувства мои въ безпорядкѣ...

Сынъ.

Одно слово, батюшка, одно слово.

Отецъ.

Ахъ! что еще скажешъ ты мнѣ? Я уже и такъ довольно исполнялъ волю твою!

Сынъ.

Послушайте..(*подходитъ къ отцу, и не очень громко*) Я чувствую всю цѣну любви, которую вы мнѣ оказываете въ сей пагубный день; и чѣмъ заслужилъ я толь нѣжныя чувствованія; судьба моя должна доказать вамъ, сколь любезны вы мнѣ; но, батюшка, послушайте. Скажите мнѣ намѣренїе ваше? что хотите вы учинить, когда наконецъ объявите страшную причину общаго злополучїя нашего? Не меньшель я виновенъ буду, когда и отецъ преступникомъ явится? Мы оба умремъ. Но для чего лишать меня надежды, которая услаждаетъ

пагубу мою? Желаетель вы тѣмъ усугубить печаль, меня снѣдающую?.... У васъ еще остается младенецъ, плодъ нѣжности моей, которой скоро узритъ свѣтъ. Батюшка, забудьте меня, и подарите его любовью вашей; пусть предметомъ милостей вашихъ будетъ младенецъ и мать, мать... утѣшьте и супругу любезную, которая много слезъ проливаетъ о нещастномъ супругѣ.

Отецъ.

Ахъ! мы чувствуемъ всю суровость ужасной участи твоей! Жена твоя со мною шла сюда; но перемѣнивъ мысли, вдругъ оставила меня и я слабыми сими глазами не видалъ куда она пошла. Ты можешъ представить себѣ, сколь велико отчаяніе ея!

Сынъ.

О дражайшая Евгенія! Она конечно опасалась свиданія со мною, и ея видъ паче возбудилъ бы снѣдающую меня скорбь. Однакожъ я только исполнилъ обѣщанія мои, когда обагрился кровію гнусной жертвы.

Отецъ.

А жертвою сей было чудовище то!

Сынъ.

Да, Селиньи самъ. Я удовлетворилъ вышшему мщенію, и какъ могла рука моя бездѣйственна остаться? Преисполненъ нещастіями вашими, отъ ярости внѣ себя, я видѣлъ, видѣлъ мать злополучную ужаснымъ заговоромъ поверженную во гробъ; изъ жилища мертвыхъ слышалъ я гласъ ея: она требовала мщенія и отъ сы-

сына онаго ожидала. Освѣдомляясь по всюду, я узналъ, что виновникъ страданiй нашихъ, возвратясь въ сiю страну, по неизвѣстной причинѣ здѣсь тайно жилъ и скоро намѣренъ былъ удалиться отсюда. Я тотчасъ преслѣдовалъ его по его стезямъ, и при встрѣчѣ съ нимъ усугубилось бѣшенство мое; съ нетерпѣнiемъ вооруженною рукою нападая на безчеловѣчное сiе чудовище, кричу я ему: постой бездѣльникъ, жить недостойной человѣкъ, постой, теперь небо вручаетъ тебя мщенiю моему! Познай врага своего, сына Меринваля! При семъ имени, соотвѣтствуя равнымъ моему гнѣвомъ и обнажая свою шпагу, Селиньи отвѣчаетъ мнѣ: и такъ не обманывается ярость моя; сердце мое жаждетъ напиться крови Меринваля; судьба моя изъ пропасти въ про-

пропасть меня повергала; теперь ступай и будь присоединенЪ мною кЪ другимЪ моимЪ жертвамЪ. При сихЪ словахЪ оба вЪ равной запальчивости мы другЪ на друга нападаемЪ сЪ удвоенными ударами. Шпага моя выпала изЪ рукЪ моихЪ, и непрїятель мой радуясь тому, готовится оружїемЪ своимЪ пронзить нещастную грудь мою; но покровительствуемЪ небомЪ, я успѣваю поднять свою шпагу и тогда побѣждая, стремлюся на врага, тѣсню его, и кровь течетЪ ручьями. Я умираю, говоритЪ онЪ; смерть только потушитЪ огонь ярости моей; ты торжествуешЪ.. однакожЪ смерть моя не возвратитЪ отцу твоему ни друга, ни чадо... ни мать твою. При сихЪ оскорбительныхЪ словахЪ, образЪ родительницы моей представЪ воображенїю моему, паче воспламе-

меняетъ изступленіе мое. Тщетно простирало сожаленіе ко мнѣ свой гласъ; я видѣлъ едину тѣнь родительницы своей; тогда я изстребилъ всю чувствительность изъ сердца моего, и тысячью ударами разилъ Селинія. Въ то время, какъ я вкушалъ удовольствіе мщенія надъ симъ варваромъ, меня схватили и повели въ тюрьму.

Отецъ (обнимая его)

О сынъ нещастный! почто ты внималъ внушеніямъ пылкаго гнѣва, который меня толь многаго лишаетъ? Изъ чрезмѣрной нѣжности скрывая сію тайну отъ судей, ты хотѣлъ продлить жизнь мою на нѣсколько дней. Но жена твоя, и также Генрихъ все знаютъ, и я теперь спѣшу...

Сынъ (остановивъ отца)

Ахъ! батюшка, умѣрьте пламень васъ снѣдающій! Пускай нату-

тура уступитъ разсужденію. Я вамъ уже говорилъ, что естьли откроете сію тайну, которая на всегда въ забвеніи остаться должна, то сами подвергаетесь смерти, не воспрепятствовавъ моей; будучи осуждены со мною, вы претерпите мою казнь; и какую? можно снести жесточайшія мученія, можно съ твердостію умереть; но имѣть позоръ! . . . При семъ ужасномъ воображеніи, устрашенное мужество мое! . . . Мнѣ невозможно принудить себя . . . имѣть позоръ . . . чтобъ на эшафотѣ . . . родитель мой . . .

Отецъ (прижимая его къ груди)

О нещастной!

Сынъ (съ поспѣшностію исторгаясь изъ объятій отца)

Теперь смерть моя неизбѣжна; не будемъ думать о жизни мо-

моей, а представимЪ себѣ ужасЪ, посрамленію послѣдующій. АхЪ! батюшка! вотЪ истинная смерть . . . но нѣтЪ, я не могу рѣшиться объ участи своей. (*приводитъ его по ближе на сцену, и тихимъ голосомъ*) Надѣясь найти сердце, котороебЪ могло тронуться плачевною моею кончиною, я написалЪ сіе письмо, (*смотря назадъ театра, вынимаетъ изъ кармана письмо, и съ осторожностію отдаетъ отцу своему*) которое вамЪ вручаю. Подумайте, что отЪ васЪ зависитЪ судьба моя. (*отецъ хочетъ прочесть письмо*) Постойте, прочтите вышедЪ отсюда. Я вамЪ скажу только одно слово, котораго довольно будетЪ . . . родитель мой мнѣ другЪ.

Отецъ.

Я твой убійца.

Сынъ.

Сынъ.

Я хотѣлъ отмстить за васъ, и чрезъ то исполнилъ намѣренїе мое.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣжъ и *тюремщикъ*, который отворивъ двери, пришелъ за Меринвалемъ сыномъ.

Сынъ (увидя тюремщика)

Теперь пришли за мною для заключенїя моего. Я васъ еще увижу, но не откажите мнѣ въ благодѣянїи, котораго я прошу . . . я ожидаю сего отъ родителя моего.

Отецъ.

Но какъ я тебя увижу?

Сынъ.

Мало людей сопротивляющихся власти денегъ, и онѣ отво-

рятЪ вамЪ двери страшной темницы. Преодолѣйте любовь вашу необходимостію. ПозорЪ все составляетЪ, а смерть ни мало не страшна (*уходитЪ*)

*Отец*Ъ (вЪ то время, какЪ сынЪ выходитЪ, смотритЪ на письмо)

О! жестокой, чего ты требуешЪ отЪ отца! (*выходитЪ обремененЪ печалью, положивЪ вЪ карманЪ письмо*)

КонецЪ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Театрѣ представляетѣ тюрьму.

ЯВЛЕНІЕ I.

Меринваль сынѣ; одинѣ, имѣя оковы на рукахѣ и ногахѣ, сидитѣ на скамьѣ возлѣ стѣны и углубленѣ вѣ прискорбной задумчивости. Тюрьма почти не освѣщена.

Вотѣ какова участь моя! Оковы возмездіе преступниковѣ! позорѣ подлой кончины! Вчера, еще вчера ощущалѣ я вѣ сердцѣ моемѣ спокойствіе добродѣтели, составляющее истинное блаженство; возлежа на сердце обожаемой супруги, восхищался непорочнымѣ пламенемѣ, который благословило небо; наконецѣ прельщался я пріятнѣй-

нѣйшею надеждою; я ожидалъ щастливаго плода любви моей . . . Злощастное чадо! ахъ, чтобъ ты не видалъ сего несноснаго свѣта; ты узришь отца на казнь влекомаго . . . Пускай я одинъ терплю нещастiе быть на свѣтѣ . . . Но тронутъ его муками, я долженъ былъ отмстить за мать, за отца легковѣрнаго, за цѣлое сѣмейство и за себя обиженнаго симъ чудовищемъ . . . (*взирая на оковы свои*) и вотъ награда благородной мести! Служа чести, любви и родству, омывъ оскорбленiе гнусною кровiю, конечно нарушалъ я права неба, которое теперь меня за то наказуетъ! По всей земли гнѣвъ его гонитъ меня. Я мужественно подвергнусь его карающей меня десницѣ; но какъ возможно претерпѣть смерть, которой послѣдуетъ посрамленiе, оставить по се-

себѣ память злодѣя, и видѣть имя мое покрытое вѣчнымъ позоромъ, когда я надѣялся открыть себѣ знаменитой путь, и наконецъ пріобрѣсть новую славу фамиліи моей; когда я любилъ добродѣтель и истинную честь; когда публичное почтеніе увѣряло меня въ щастіи моемъ! . . Но не имѣюль я все еще свое сердце, и собственное почтеніе? Преступленіе ли я учинилъ, когда отмстилъ за родителей своихъ? Пускай свѣтъ меня считаетъ подлымъ убійцею, но въ моихъ глазахъ я могу оправдать себя. Можно ли смотрѣть на осужденіе постороннихъ? Истинна одна есть непоколебимый судья; ея только свидѣтельство не ложнымъ почитать должно, и она никогда ни въ чемъ меня укорять не будетъ. . . . Нещастной! сколь плачевна

судьба твоя. Для сохраненія чести, я чувствую, что мое признаніе постороннимъ признаніемъ подкрѣплено быть должно, и сего то меня сего дня невозвратно лишаютъ. . . Родитель мой нейдетъ облегчить мученія мои! и жена моя оставляетъ меня! Безъ помощи меня покидаютъ въ прискорбіи моемъ! Вотъ это самое даетъ мнѣ чувствовать нещастіе мое. Обремененъ тяжестію несноснаго злополучія, одну токмо надежду утѣшеніемъ я имѣю, что ты великій Боже не оставиши мя? (*отпираютъ двери тюрьмы*) Что будетъ со мною? окончатъ ли страданія мои?

ЯВЛЕ-

ЯВЛЕНІЕ II.

Меринваль сынъ и тюремщикъ, который внутри тюрьмы у дверей ставитъ фонарь.

Тюремщикъ.

Вы тотчасъ увидите батюшку вашего.

Меринваль сынъ.

Батюшку? Возможно ли! ахъ, другъ мой, какъ ты меня одолжаешь! (*въ сторону*) Такъ есть еще малая надежда!

Тюремщикъ.

Я бы желалъ, сударь, еще больше вамъ служить. Не корыстолюбіе, но какая-то неизвѣстная причина побуждаетъ меня отворить двери батюшкѣ вашему. Я нарушаю должность мою; но сердце сіе . . . къ тому меня влечетъ;

четъ; вы меня трогаете . . . я чувствую муку вашу; мнѣ кажется, какъ будто я самъ въ оковахъ и самъ страдаю . . .

Меринваль сынъ.

Твои чувствованія драгоцѣнны прискорбію моему; но увы! признательность моя безсильна! Батюшка мой наградитъ тебя вмѣсто меня; а у меня кромѣ слезъ нѣтъ ничего. . . и тѣ скоро изсякнутъ!

Тюремщикъ.

Повѣрьте, сударь, ябъ охотно вамъ помогъ; естьлибъ освобожденіе ваше отъ усердія моего зависѣло! . . . но я принужденъ сохранять вѣрность закону, и вы на моемъ отвѣтѣ.

Меринваль сынъ.

Ахъ! я не думаю освободить себя . . Я желаю скорѣйшей смерти

ти . . . но батюшка долго нейдетъ! Чрезмѣрность нещастія его преодолѣваетъ мою твердость!

Тюремщикъ.

Онъ чувствуетъ жестокую участь вашу; онъ плачетъ и вопитъ и умоляетъ небо, повергается къ ногамъ Судей, предается отчаянію и гнѣву. Смущенные Судьи видя его старость, слезы и частые вздохи, сожалѣютъ о немъ, но . . .

Меринваль сынъ.

Ты не смѣешь продолжать? Окончи, другъ мой, смерть . . . Ты молчишь! говори!

Тюремщикъ.

Ахъ! сударь, какъ мнѣ прискорбно! . . .

Меринваль сынъ.

Я тебя разумѣю . . . смерть моя близка. Я уже говорилЪ тебѣ, что я сЪ твердостію сношу удары судьбы. . . Я чувствую, что смущенныя мои мысли истребляются. Конечно не трудно умереть; разумЪ и твердость намЪ вЪ томЪ помогаютЪ; но позорЪ.. позорЪ . . . АхЪ! какое крѣпкое сердце! . . . мое . . . Подлинно ли? . . . ты мнѣ другомЪ хочешь быть? . . . (*слышно, что дверь ключомъ отпираютъ*)

Тюремщикъ.

Я васЪ, сударь, оставляю; можетЪ быть батюшка вашЪ . . . (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Меринваль (одинъ послѣ молчанія) Онъ боится войти! Нѣтъ, онъ конечно не придетъ! Я всей надежды лишенъ! Я долженъ умереть, не видавъ его и не оросивъ грудь его моими послѣдними слезами! Его присутствіе усладилобъ прискорбіе нѣжнаго сына. Онъ мнѣ въ сіи ужасныя минуты отказываетъ во всемъ, даже и въ удовольствіи заключить его въ объятія мои; его нѣжность . . .

ЯВЛЕНІЕ IV.

Оба Меринваля.

(Тюремщикъ приведя отца, уходитъ и запираетъ двери)

Сынъ.

Вы это, батюшка! Ну, сударь, принеслиль вы мнѣ ожидан-

ную

ную помощь? . . . Любитель вы меня столь много, чтобЪ могли преодолѣть чувство, принуждающее меня претерпѣть позорную участь? Увы! родитель мой! сего дня слѣпая нѣжность учинится суетною слабостїю, и вы послѣднїй опытЪ отеческой любви окажете, когда избавите сына отЪ вѣчнаго посрамленїя. Честь моя . . . но вы, батюшка, молчите . . , Не уже ли васЪ трогаетЪ меньше, нежели плачевное бытїе, отЪ коего сожалѣнїе ваше меня скоро свободитЪ? КакЪ! не уже ли я васЪ тщетно умолялЪ! Вы не отвѣчаете!

Отецъ (съ жаромЪ)

И ты могЪ отЪ нѣжнаго отца ожидать ужаснаго сего благодѣянїя? ЧтобЪ я терзалЪ внутренность твою, чтобЪ смерть сына мо-

моего . . . Ахъ! ты не понимаешь . . . Нещастный, ты не имѣешь отеческаго сердца; отцу только натура внушаетъ любовь, тебѣ еще совсѣмъ неизвѣстную! Нѣтъ, никакой отецъ не можетъ столь собою овладѣть, чтобъ отъ сына требовать толь страшной услуги. . . . И естьли я заглушу голосъ природы, естьли разумъ верьхъ надо мною возметъ, естьли онъ преодолѣетъ толь сильную любовь, естьли необходимость въ семъ случаѣ предпишетъ мнѣ толь жестокой и трудной законъ, естьли я такъ овладѣю моимъ сердцемъ, что рука моя готова будетъ тебѣ повиноваться: то думаешь ли ты, что сія нетвердая и трепещущая рука не откажетъ исполнить волю твою? Чтобъ отецъ . . . далъ ядъ своему сыну!

Сынъ (съ жаромъ)

Однакожъ вы могли дать . . .

Отецъ.

Говори, жестокой, говори; я тебя разумѣю. (*въ слезахъ*) Сынъ мой меня въ этомъ укоряетъ!

Сынъ.

Простите, батюшка . . . приходитъ ужасной срокъ! Представьте себѣ эшафотъ . . . какое названіе я изрекъ! При вашихъ глазахъ его сооружаютъ и скоро, скоро толпы нетерпѣливаго народа удовольствуютъ свое зрѣніе казнію моею . . . Родитель мой . . . отъ чьихъ рукъ приму я смерть мою? Жена моя, младенецъ . . . о небо! . . . и они будутъ участвовать въ посрамленіи сопряженномъ съ бесчестною моею кончиной! И время паче обнаружитъ

мой позорЪ! которой коснется и вашихЪ сѣдыхЪ волосЪ. Безполезныя сожалѣнія будутЪ васЪ снѣдать, жестокое предразсужденїе огорчитЪ дни ваши, бесчестїемЪ моимЪ покроется гробЪ вашЪ, вѣчный ужасЪ будетЪ сопровождать ваше имя, которое помѣстится вЪ числѣ преступниковЪ, судьба моя обременитЪ цѣлое сѣмейство и потомство мое . . . И вы, батюшка, меня любите?

Отецъ.

Ты хочешь . . .

Сынъ.

Представить очамЪ вашимЪ участь мою, и преодолѣть сожалѣнїе, пагубное для насЪ обоихЪ, и порожденное страхомЪ, а не любовью! За тѣ немногїе дни, которые она меня жить заставляетЪ, я отЪ мрачнаго отчанія

ужа-

ужасомъ окруженнаго, претерплю терзанія, отъ которыхъ онабъ меня могла свободить. Ахъ! конечно дружество не толь строптивое съ усердіемъ удовольствовало бы желанія мои; твердость онаго была бы извѣстнѣе и не толь колеблющаяся; но я просилъ родителя, а не друга. *(въ продолженіе сей рѣчи отецъ бѣгаетъ по театру; примѣчаются въ немъ знаки сильнаго возмущенія; иногда онъ останавливается у стѣны, смотритъ на сына, по томъ на небо и на землю, вздыхаетъ и изъявляетъ страданіе боли, которое хочетъ скрыть)*

Отецъ (въ слезахъ)

Что ты говоришь, нещастной?

Сынъ. (съ восхищеніемъ)

Что не столько твердъ, но нѣжнѣе будучи, великодушный

другъ

другъ мой, не лишалъ бы меня такого дара, который бы спасъ навсегда честь, тысячу кратъ драгоцѣннѣйшую жизни; онъ бы твердою рукою принесъ мнѣ... Жестокое возмущенїе терзаетъ сердце ваше! Вы вздыхаете!... Глаза ваши наполнены слезами!... Слезы не могутъ разорвать оковы мои и спасти отъ позорной казни... Естьли любовь васъ одушевляетъ, то время ей дѣйствовать, и покориться разуму въ сей сомнительной распри. Подайте... то, чего я ожидаю, и отвратите взоры ваши.

Отецъ (приближаясь на сценѣ, восклицаетъ)
Сынъ мой! сынъ мой!

Сынъ.

Согласитесь поскорѣе; время проходитъ; остается не долго. Пускай разумъ руководствуетъ нѣжность вашу, и теперь, ба-

 тюш-

тюшка, вы можете ее доказать; покоритесь предписанїю необходимости. Небу извѣстно, что съ прискорбїемъ располагая жизнїю моею, я по неволѣ разрываю цѣпь, соединяющую меня со свѣтомъ; но какъ иначе отвратить злощастїе мое? ... Ещель намъ должно претерпѣть страданїя новы? ... Отвратимъ отъ насъ робкое безпокойство; жена моя и младенецъ отрутъ слезы ваши и усладятъ печаль участи вашей ... Говорите имъ иногда о нещастномъ вашемъ сынѣ, которой вамъ былъ милъ, васъ обожалъ, и теперь проситъ, любезной родитель, чтобъ ваши руки глаза его закрыли .... Мы трогаемъ другъ друга ... мое нетвердое мужество ... въ послѣднїй разъ примите меня въ объятїя ваши ... и ... (*повергается въ объятїя отца и послѣ нѣкотораго вре-*

времени съ поспѣшностїю исторгаясь, твердымъ голосомъ) Не лишайтежъ меня сего дара.

Отецъ (все больше въ возмущенiи и невнятнымъ голосомъ)

Такъ должно покориться страшной участи моей, и противъ воли стремясь къ преступленїю, послѣдовать сильному закону злоключенїя! Еще сего было не довольно для усовершенiя нещастїя моего: великїй Боже! какая судьба!.... отравивъ ядомъ мать, и сына еще долженъ отравить!... Изволь! ... исполню волю твою; я преодолѣлъ сердце свое; рука моя тщетно трепещетъ; на, прими смерть .... мы вмѣстѣ погибнемъ. (*вынимаетъ изъ кармана коробочку и даетъ сыну*)

Сынъ.

Что вы говорите? ... (*у отца коробочка выпадаетъ изъ*

 рукъ.

рукъ. Онъ изъявляетъ чувствованіе боли и становится къ стѣнѣ) Батюшка! . . . (*подбѣгаетъ къ нему*)

Отецъ.

Обойми меня. . . Я чувствую . . . сынъ мой . . . . ослабѣвающее мое зрѣніе . . . .

Сынъ.

Какъ мнѣ ему помочь? . . .

ЯВЛЕНІЕ V и ПОСЛѢДНЕЕ.

Меринваль отецъ, Меринваль сынъ, Евгенія, Генрихъ и тюремщикъ.

Евгенія (спѣшитъ съ бумагою въ рукахъ, за нею Генрихъ и тюремщикъ)

Помилованъ, помилованъ.

Сынъ.

Евгенія . . . (*показываетъ ей отца*) Спѣшите всѣ . . . (*тюремщикъ снимаетъ оковы съ сына; и всѣ лица окружаютъ отца*).

Отецъ

Отецъ (какъ будто оживляясь отъ смерти, восклицаетъ)

Сынъ мой останется живъ!

Евгенія.

Да, батюшка, любезный мой супругъ останется живъ: повѣрьте нѣжности моей, и сему вѣрному залогу. (*даетъ отцу бумагу; онъ хочетъ ее взять, но она падаетъ изъ ослабѣвшихъ его рукъ; Генрихъ поднявъ ее и съ радостнымъ восхищеніемъ читаетъ. Меринваль отецъ возмущается конвульсическими движеніями*) Государь тронутъ будучи моимъ откровеннымъ повѣствованіемъ; (*съ скоростію*) въ мою пользу имѣлъ чувствованія отца, и Селиньи умирающій преодолѣнъ грызеніями, подтвердилъ объявленіе о несчастной судьбинѣ, и страшась угрозъ неба, готовящагося карать, онъ самъ просилъ о помиловании

Меринваля. Наконецъ внушаемъ благостiю, государь свобождаетъ отъ оковъ супруга и все прощаетъ.

Сынъ (отцу своему)

Батюшка . . . Блѣдность, покрывающая чело его . . . . Великiй Боже! . . . какой незапной припадокъ? . . . Вынесемъ его отсюда. (*хотятъ его вынести*)

Отецъ.

Я и здѣсь могу умереть. Дѣти мои, утишенный гнѣвъ неба васъ щадитъ, и меня только своею жертвою прiемлетъ. Оно правосудно. (*сыну*) Отецъ твой одинъ былъ преступникомъ. Повѣривъ ложному извѣстiю, въ запальчивости своей я умертвилъ двухъ нещастныхъ оскорбилъ природу, погубилъ невинность, а теперь . . . я чувствую вышшую месть Господа.

Сынъ.

Сынъ.

Позвольте, чтобъ наши попеченія . . .

Отецъ.

Всѣ старанія бесполезны! Сей моментъ полагаетъ срокъ дней моихъ; и время уже окончить злощастную судьбину. (*приподнявъ голову и твердымъ голосомъ сыну своему*) Могъ ли ты подумать, чтобъ отецъ принесъ тебѣ смерть . . . не предупредивъ тебя?

Сынъ.

Вы приняли . . . ядъ . . .

Отецъ.

Подѣйствовалъ во внутренности моей . . . холодъ . . . я чувствую . . . . что свѣтъ . . . въ глазахъ . . . моихъ темнѣетъ . . . . Дѣти мои . . . сынъ любезной, въ твоихъ объятіяхъ . . . я умираю. (*отецъ падаетъ возлѣ стѣны*)

Сынъ (повергаясь на тѣло отца)

Родитель мой . . . . (*Евгенїи, которая хочетъ поднять его*) Ахъ! оставь меня: сего дня все меня сражаетъ! Нѣтъ . . . не мѣшайте мнѣ съ нимъ умереть (*завѣса опускается.*)

Конецъ.



РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
30853-0

инв. 5237

